

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XXII Международный научно-практический форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы XXII международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и школьников

Красноярск, 21 апреля 2021 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2021

ББК 74.00
А 437

Редакционная коллегия:

С.Г. Липнягова (отв. ред.)

Т.В. Мамаева

Т.А. Полуэктова

А 437 Актуальные проблемы современной филологии: материалы XXII международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. Красноярск, 21 апреля 2021 г. / отв. ред. С.Г. Липнягова; ред. кол.; Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2021. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-480-4

ББК 74.00

ISBN 978-5-00102-480-4

(XXII Международный форум
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Молодежь и наука XXI века»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Арепьева П.В. сихолингвистические особенности текстов А.С. Пушкина «Выстрел» и И.А. Бунина «Легкое дыхание»	5
Бердникова Т.С. Своеобразие приенисейских былин об Илье Муромце.....	8
Борисова Я.А. Мем как средство интернет–коммуникации.....	11
Голосова А.Ф. Экологическая философия Германа Мелвилла: образ кита в романе «Моби Дик»	13
Данилов Е.О. Языковые признаки пропаганды в сети интернет	15
Девятова В.С. Театрализация как форма работы с читателями (история и современность)	20
Долженкова Е.Ю. Лексико-семантическое поле «коронавирус / covid–19».....	22
Дубинина М.А. Трансформация героя романа «Призрак оперы» в экранизации Д.Х. Хиттла	24
Захарова И.А. Концепт «город» в языковой картине мира	26
Кардава Ю.А. Речевое взаимодействие в педагогическом общении (на примере кинематографического текста в фильме «Общество мёртвых поэтов», 1989)	28
Краснощекова Я.В. Формирование читательского интереса младших подростков к исторической теме в художественной литературе (на примере рассказа «Детские годы Святослава-князя» Е.П. Чудиновой)	30
Любавский К.С. Функциональная значимость разговорной лексики в романе Т.Н. Толстой «Кысь».....	33
Мокрецова А.К. Проблемы изучения русского языка как неродного.....	35
Морозов Р.В. Спиралеобразный хронос, как способ выражения идей хтонического космизма.....	37
Мурзина К.Н. Поэтика сказок Н.П. Вагнера (литературоведческий и методический аспекты)	39
Намудэлэ Межкультурная коммуникация в интернетсети.....	41
Панченко А.Н. Организация чтения школьниками произведений в жанре «Хоррор»	44
Пинчук Ю.А. Репрезентации феномена житнетворчества в фикциональной прозе А.Д. Синявского (А. Терца)	46

Попова А.Д. Истоки повести «Дети Хурина» Дж.Р.Р. Толкина.....	49
Пронин А.В. Особенности языка юродивых в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр»	51
Романенко К.А. Английские заимствования в комментариях социальной сети «Вконтакте»	54
Рулькова Г.М. Колоративная лексика в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	57
Морозов Р.В., Рыхва А.И. Реализация ведущих лавкрафтианских мотивов в рассеянном нарративе «Bloodborne»	60
Сатаева О.Н. «Тип любви-тщеславия в романе «Красное и черное» и новелле «Ванина Ванини» Стендаля: сравнительно-сопоставительный анализ».....	62
Симакова Д.В. Чеховские традиции в прозе Сергея Довлатова (на примере рассказов «Попрыгунья» А.П. Чехова и «Лишний» С. Довлатова.....	65
Сулдум-оол А.Б. Анализ детективного романа Агаты Кристи «Десять негритят» (психолингвистический аспект)	68
Третьякова Е.В. Актуализация темы буллинга в подростковом коллективе (опыт проведения урока внеклассного чтения по повести А. Куприна «На переломе» в 7 классе).....	70
Феллер А.Э. Ассоциативное поле «Страх» в языковом сознании русских и китайских студентов	73
Хлиманкова А.А. Язык вражды в идеологии Колумбайна	75
Чжан Лэй Фразеологизмы с компонентом «стихия» в русском и китайском языках	78
Чжан Юнсян Будущее коронавируса (на материале текстов «Комсомольской Правды»	80
Чжао Вэньсинь Фитонимическая фразеология в лингвокультуре	82
Шишкин И.А. Речевое поведение интервьюера: типы языкового воздействия.....	84
Шульгина К.В. Вербализация жеста в протоколе допроса.....	86

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ А.С. ПУШКИНА «ВЫСТРЕЛ» И И.А. БУНИНА «ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ»

PSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF THE TEXTS OF A. S. PUSHKIN «SHOT» AND I. A. BUNIN «EASY BREATHING»

П.В. Арепьева

P.V. Arepyeva

Научный руководитель: Н.А. Бурмакина
Scientific adviser: N.A. Burmakina

Психолингвистика, психолингвистический анализ, семантический комплекс, типология текстов, «печальный» текст.

Данная статья посвящена анализу психолингвистических особенностей текстов А.С. Пушкина «Выстрел» из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» и И.А. Бунина «Легкое дыхание» на лексическом уровне. Посредством изучения и синтеза научной литературы, а также психолингвистического анализа были выделены доминирующие семантические комплексы текста.

Psycholinguistics, linguistic analysis, psycholinguistic analysis, semantic complex, typology of texts, «sad» text.

This article is devoted to the analysis of the psycholinguistic features of the texts of A. S. Pushkin «Shot» from the cycle «The Stories of the late Ivan Petrovich Belkin» and I. A. Bunin «Light Breath» at the lexical level. Through the study and synthesis of scientific literature, as well as psycholinguistic analysis, the dominant semantic complexes of the text were identified.

Психолингвистический анализ, согласно концепции В.П. Белянина, позволяет выявить в тексте определенный тематический набор объектов описания. В рамках каждого типа текста можно выделить семантически довольно ограниченный список предикатов. Этим предикатам соответствуют определенные наборы лексических элементов [1, 2]. Посредством анализа было выявлено, что оба произведения можно отнести к «печальным» текстам, согласно типологии В.П. Белянина. Рассмотрев единицы текстов, которые используют А.С. Пушкин и И.А. Бунин [3, 4], можно сделать вывод, что эмоционально-смысловая доминанта выделяется в основном благодаря семантическим комплексам: возраст, обнищание, радость/печаль, смерть, тяжесть, вдох.

Семантический комплекс **возраст** отображается в ключевом слове **старость** и реализуются, по В.П. Белянину, в следующих единицах: «Выстрел»: «*Этому дому обязан...одним из самых тяжелых воспоминаний*». Кроме того, присутствует однокоренное слово «старик»: «*...ему было около тридцати пяти лет, и мы за это почитали его стариком*». И слово «памятник»: «*простреленная картина есть памятник* (перен. 'то, что поддерживает, заставляет хранить воспоминание о ком-чем-

нибудь, памятный след чьей-нибудь деятельности') *последней нашей встречи*». Тем самым отображается выделенная В.П. Беляниным единица «воспоминания».

Семантический комплекс **радость/печаль** отображаются в ключевых словах **грусть** и **радость** и имеют следующие реализации: «Легкое дыхание»: «*с радостными, живыми глазами*»; «*с разбегу...побежала*»; «*счастлива*»; «*весело*». «Выстрел»: «*счастливо*»; «*тоску*». В тексте выделены и выразительные средства в описании явлений природы, которые передают эмоциональное состояние: «Легкое дыхание»: «*дни серые*»; «*голые деревья, и холодный ветер...*»; «*был дождь, ...солнце блестело*». «Выстрел»: прослеживаются и синонимы к слову «печаль»: «*совершенное отчаяние*»; «*побоялся я сделаться пьяницей с горя*». Семантический комплекс **смерть** отображается в ключевом слове **смерть** и имеет следующие реализации по В.П. Белянину: «Легкое дыхание»: «*кладбище*», «*крест*». «Выстрел»: «*подвергать себя смерти*»; «*теперь не до смерти*». И кроме того, встречаются слова, которые имеют отношение к смерти: «Легкое дыхание»: «*застрелил*», «*убийства*»; «*самоубийство*». «Выстрел»: «*убийство*»; «*был убит*»; «*выстрел*».

Семантический комплекс **вздых** выявляется в ключевом слове **вздых** и реализуется через: «Легкое дыхание»: «*вздых... присела так легко...*»; «*легкое дыхание*»; «*спокойствие*». «Выстрел»: «*вздохнуть*». Слова, выделенные В.П. Беляниным, других реализаций не найдено. Семантический комплекс **холод** отображается в ключевом слове **холод** и имеет следующие реализации: «Легкое дыхание»: «*холодный ветер*»; «*зима была снежная, морозная*»; «*стало совсем холодно*»; «*она сидит на ветру и на весеннем холоде...*». Присутствует синоним: «*свежо дует полевой воздух*». «Выстрел»: «*осенние и зимние вечера*». Слова, выделенные В.П. Беляниным, других реализаций не найдено. Семантический комплекс **тяжесть** представлен в ключевом слове **тяжесть** и имеет следующие реализации: «Легкое дыхание»: «*На кладбище, над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий*». Тяжелый – перен. производящий впечатление тяжести, грузности. «Выстрел»: «*Этому дому обязан я...одним из самых тяжелых воспоминаний*». Тяжелых воспоминаний – перен. причиняющий душевные страдания, мучительно, болезненно переживаемый. Слова выделенные В.П. Беляниным, других реализаций не найдено.

Семантический комплекс **одиночество** обнаружен в ключевом слове **одиночество** и имеет следующие реализации: «Легкое дыхание»: «*одна*». Слово выделенное В.П. Беляниным, других реализаций не найдено. «Выстрел»: присутствует слово синоним «*уединение*». Слова, выделенные В.П. Беляниным не найдены. Семантический комплекс **обнищание**. В.П. Белянин не дает ключевые слова, но были выделены единицы, реализующие этот комплекс в тексте: «Выстрел»: «*жил он вместе и бедно (не имея достаточных средств к существованию.) и расточительно (проявляя излишнюю щедрость, много и неразумно тратя)*». Для семантического комплекса немота В.П. Белянин также не дает ключевых слов, но они были выделены в тексте: «Выстрел»: «*отвечал он сухо (перен. сурово-безучастно, холодно, неотзывчиво)*»; «*хранил совершенное молчание (безмолвие, отсутствие речи, разговора), никогда не спорил и не объяснялся*».

Таким образом можно сделать вывод, что в анализируемых текстах присутствуют семантические комплексы, ключевые слова и их реализация: частотны комплексы **радость/печаль** и **смерть**; используются реже: **вздых, холод, одиночество** и **тяжесть**; почти не используются: **немота, обнищание, возраст** – они присутствуют только в тексте «Выстрел», и абсолютно не используются: **слепота, приятный запах** и др.

Библиографический список

1. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта, МПСИ, 2004 г. 234 с.
3. Бунин И.А. Грамматика любви: Рассказы. М.: Дрофа, 1998. 190 с.
4. Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. М.: Художественная литература, 1968. 94 с.

СВОЕОБРАЗИЕ ПРИЕНИСЕЙСКИХ БЫЛИН ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

THE PERSONALITY OF THE YENISEAN BILINS ABOUT ILYA MUROMTS

Т.С. Бердникова

T.S. Berdnikova

Научный руководитель: Н.А. Новоселова
Scientific adviser: N.A. Novoselova

Былина, Приенисейская Сибирь, Илья Муромец, сюжет, мотив, специфика, особенность. Целью работы является определение региональных особенностей текстов об Илье Муромце (в том числе былин). Исследование дает основание выделить ряд специфических черт: отсутствие воинского сюжета, контаминация в одном произведении мотивов из разных текстов, стяженная форма бытования. Исследование представляет собой мотивный анализ с сопоставлением местных былин с общерусскими.

Epic, Yenisei Siberia, Ilya Muromets, plot, motive, specificity, feature.

The aim of the work is to determine the regional features of the texts about Ilya Muromets (including epics). The study provides a basis for identifying a number of specific features: the absence of a military plot, contamination in one work of motives from different texts, a tight form of existence. The study is a motivational analysis with a comparison of local epics with all-Russian ones.

Согласно Б.Н. Путилову, фольклорная традиционная культура всегда локальна и региональна как в историко-социальном, так и в пространственном отношении. Поэтому характерна локализация бытования былинного жанра, который к концу XIX в. получает наибольшее распространение в европейской части русского Севера и Сибири [4].

Говоря о региональной специфике, Ю.И. Смирнов считает ее признаками особенность репертуара, наличие сюжетов-дублей, произведений-эндемиков, уровень версий [6]. В своем исследовании о выявлении специфики былин мы опираемся на данную работу.

На территории Приенисейской Сибири в конце XIX – начале XX вв. записано двадцать текстов, в которых действует Илья Муромец. Очаги бытования представлены на территории Приангарья (с. Рыбное, д. Яркино, д. Ярки) и Причунья (д. Выдрино), а также в Енисейске и красноярских пригородах (с. Вознесенское, д. Еловая, с. Зелеево).

Специфичной чертой всех текстов Приенисейской Сибири становится отсутствие мотива боев с татарами. Главный защитник не борется с иноземными неприятелями, что объясняется исторической особенностью бытования текстов Приенисейской Сибири. Во время их записи столкновения с этническими врагами закончились, вследствие чего воинские сюжеты потеряли свою актуальность.

В Приениейской Сибири бытовали собственно былины, то есть произведения, отвечающие всем признакам былинного жанра (стихотворная форма, напевность, присутствие зачина и повторов, рассказ подвигах богатыря). Таких былин отмечается три: «Илья Муромец и разбойники» (далее №1) [4], «Про Илью про Муровца» (далее №2) [5] – сюжет боя Ильи с сыном, «Про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного» (далее №3) [6]. В этом варианте сюжет о Соловье контаминируется с сюжетным эпизодом о противостоянии Ильи и «обжоры».

Однако не все тексты в художественном отношении можно считать былинами. В частности, это касается прозаических произведений об Илье Муромце, испытывающих на себе влияние других жанров, а также ряда святочных виноградий, синкретичных с былинными сюжетами.

Так, текст «Об Илье Муромце» [8] включает в себя элементы легенды: целителями Ильи становятся не просто калики (общеизвестный вариант), а Иисус Христос и три святителя – Миколай угодник, Егорий Храбрый и Илья Пророк. Текст «Илья Муранец и Игор Свитагор» [9], вбирает в себя черты притчи, а именно происходит встреча богатырей с «мужичком-старичком», который оказывается Богом, наказывающим «Свитагора» за вранье о его силе.

Также обнаружен совершенно уникальный текст-эндемик «Илья Муромец» [7], который больше походит на сказку или легенду. По сюжету богатырь повернул течение Иртыша в другую сторону (борьба уже не с врагами/злодеями, а с природными силами). Такой коллизии не наблюдается в общерусских былинах.

Для рассмотрения особенностей собственно былин мы обратились к сборнику А.М. Астаховой, где былины группируются по сюжетному принципу. Сопоставление местных былин с общерусскими позволяет выделить следующие специфические черты:

1. В былине № 3 сюжет встречи с Соловьем-разбойником во многом соответствует общерусской традиции, но наблюдается усечение финала, то есть остается открытым вопрос: что происходит с Соловьем после того, как его передали в качестве дара князю?

2. В этом же тексте присутствует мотив спасения князя от «обжоры хлебоядного», который ведет себя вызывающе. В речи Ильи, пресекающего обжору (№3), отмечается влияние былины об Алеше Поповиче и Тугарине. Это говорит о знакомстве местных жителей с текстами об Алеше Поповиче, а также о смешении былин с разными богатырями.

3. В данной былине (№3) трансформируется мотив пира. Если во всех общерусских вариантах князь забывает позвать Илью на пир, что становится причиной ссоры, то в нашем случае происходит обратное. Илья становится почетным гостем, который избавляет гостей от «обжорицы» с его неприемлемым поведением (№1).

4. Былина об Илье Муромце и разбойниках практически полностью соответствует общерусскому варианту, однако, особенностью местного текста становится оценивание Ильей самого себя как «бесценного» (№1), чего нет в общерусских вариантах.

5. Сюжет «бой Ильи Муромца с сыном» включает ряд изменений. В местном варианте «Про Илью про Муромца» (№1) возникает имя сына «Удача» (в общерусских вариантах богатырь-сын не имеет имени). Также в былине отсутствует мотив предательства, где сын пытается убить Илью во сне. Самое яркое региональное отличие – Илья не убивает сына.

Итак, к моменту записи сохранились три социально-бытовые былины об Илье Муромце, которые в сравнении с общерусскими претерпели значительные трансформации. Остальные тексты являют собой синтезированные формы, включая колядки, легенды, притчи, которые не относятся к собственно былинам и рассматриваются на уровне сюжетов в наших дальнейших работах.

Библиографический список

1. Астахова А. М. Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец. Изд-во АН СССР. М., Л., 1958
2. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. «Наука». СПб., 2003
3. Смирнов Ю.И. Местные традиции. Уровни опознания местного. // Локальная специфика и жанровые формы фольклора / Под ред. Араевой А.А., Волчека В.А. Лутовиновой Е.И., Ходанен Л.А. Изд-во КемГУ. Кемерово, 1992, с. 3-8
4. «Про Илью Муромца, Соловья-разбойника и обжору хлебоядного»// Кн. «РЭПСидВ»/ Сост. Смирнов Ю.И. Сибирское отд. «Наука». Новосибирск, 1991. №30. С. 104-106,
5. «Илья Муромец и разбойники»// Краевой краеведческий музей (далее ККМ), о.ф. 7886/165 -1. С. 2.
6. «Про Илью про Муромца»// Чеканинский И.А. «Енисейские старины и исторические песни» – ЭТО, 1915. №1-2. С. 102-103.
7. «Илья Муромец» // В. Сидельников «Былины Сибири». Изд-во ТГУ Томск, 1968, с. 287.
8. «Об Илье Муромце»// В. Сидельников «Былины Сибири» – Изд-во ТГУ Томск, 1968, с. 285-287.
9. «Илья Муранец и Игор Свитагор»// ККМ о/ф 7886/163

МЕМ КАК СРЕДСТВО ИНТЕРНЕТ–КОММУНИКАЦИИ

MEME AS A WAY OF INTERNET COMMUNICATION

Я.А. Борисова

Y.A. Borisova

Научный руководитель: Е.В. Осетрова

Scientific adviser: E. V. Osetrova

Интернет-мем, интернет-коммуникация, креолизованный мем, интернет-пространство, языковые особенности.

Целью работы является коммуникативно-языковое исследование мема как популярного средства и формы интернет-коммуникации. Результаты анализа свидетельствуют, что в социальных сетях мем часто представляет креолизованная фактура (текст и изображение). Текстовая часть мема выполнена в сниженном стилистическом регистре, включающем аббревиатуры, сленговую лексику, и дополнена языковой игрой и сравнениями – свидетельством творческого отношения автора. В таком виде мем используют для отражения реакции социальной группы на то или иное актуальное событие общественной и / или частной жизни.

Internet-meme, Internet communication, creolized meme, Internet-space, language features.

The aim of the study is analysis of the meme as a popular means and form of Internet communication. The results of the analysis indicate that on social networks, a meme is represented by a creolized texture (text and drawing / photograph, etc.). The text part of the meme is performed in a reduced stylistic register, including abbreviations, slang vocabulary, and supplemented by a language game and comparisons – evidence of the author's creative attitude. In this form, a meme is used to reflect the reaction of a social group to a particular actual event in public and private life.

Интернет является неотъемлемой частью современной цивилизации. Благодаря Всемирной паутине люди общаются, учатся и работают, знакомятся с музыкой и фильмами. Одно из средств интернет-коммуникации – интернет-мем. Ю.В. Щурина определяет его как интернет-феномен – единицу информации, объект, который получил популярность, как правило, спонтанно, в среде, обслуживаемой информационными технологиями [1: 162]. С.В. Канашина уточняет дефиницию: интернет-мем – комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершенную единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке (широкое понимание); особый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (узкое понимание), где под полимодальным дискурсом понимается текстовое произведение, в котором использованы несколько каналов передачи информации, например, вербальный и графический) [2: 86]. В общем, данный феномен можно трактовать как культурную единицу информации, которая оформляется с помощью рисунка, фотографии, видео, текста, креолизованного текста, распространяясь в сети Интернет. В нашем случае рассмотрен креолизованный мем, состоящий из вербальной и графической частей.

С использованием контент-анализа исследовано 60 мемов, извлеченных из коммуникативного оборота российских социальных сетей. Если говорить о языковых особенностях данного типа высказывания, следует отметить, что в нем регулярно встречаются сленговые сокращения (*универ* вместо *университет*, *препод* вместо *преподаватель*) и неполные конструкции с пропуском главных членов предложения. В совокупности с ними фонетически и орфографически искаженные слова, зафиксированные в тексте (*тисе* вместе *тише*, *итош* вместо *что ж*; строчная начальная буква в именах собственных), а также слова-паразиты свидетельствуют о сниженном стилистическом регистре данной языковой формы, которая, однако, дополнена языковой игрой (*работу работает*, *шутки шутит*) и сравнениями – свидетельствами творческой установки автора.

Мемы встраиваются в формы диалога либо монолога-повествования, отражающих некую проблемную ситуацию, которая сконцентрирована в образах визуальной (невербальной) части интернет-текста.

Основная функция невербальной части, следовательно, иллюстративная; за счет нее часто реализуется комический эффект: именно изображение показывает процесс и результат действий, и эмоции, которые их сопровождают. В целом возможность достижения комического эффекта при использовании интернет-мемов любого типа в структуре комических речевых интернет-жанров связана с включенностью адресата в контекст, наличием у него определенных предварительных знаний [3: 152]. Возможность успешной реализации многих типичных для интернет-общения комических речевых жанров связана с определением коннотаций, которыми обладают включенные в состав данных жанров интернет-мемы. Для адекватной интерпретации интернет-мемов необходимы общий культурный и пресуппозитивный багаж коммуникантов, «узнавание» мема. Интернет-мемы обычно обращаются в той или иной социальной группе, поэтому комический эффект мема рассчитан на определенную аудиторию. При этом наиболее популярные мемы становятся известны далеко за пределами интернет-пространства [3: 152].

Что касается содержания мемов, то оно соответствует наиболее актуальным социальным темам (например, перевод учебных заведений на дистанционное обучение; пандемия и коронавирус), затрагивает бытовые сферы существования группы (например, проблема «отцов и детей») или отражает личную активность человека, связанную с работой, увлечениями и хобби (например, мемы, отсылающие к литературным сюжетам).

Библиографический список

1. Шурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 162–171.
2. Канашина С.В. Что такое интернет-мем? // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2017. № 28 (277). С. 84–90.
3. Шурина Ю.В. Интернет-мемы в структуре комических речевых жанров // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 147–153.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГЕРМАНА МЕЛВИЛЛА: ОБРАЗ КИТА В РОМАНЕ «МОБИ ДИК»

HERMAN MELVILLE'S ECOLOGICAL PHILOSOPHY – IMAGE OF A WHALE IN MOBY DICK

А.Ф. Голосова

A.F. Golosova

Научный руководитель: Т.М. Никанорова
Scientific adviser: T.M. Nikanorova

Герман Мелвилл, романтизм, Моби Дик, кит, американская литература.

В данной статье дана интерпретация образа Белого Кита романа Германа Мелвилла «Моби Дик» в контексте экофилософского подхода.

Herman Melville, romanticism, Moby-Dick, the whale, american literature.

This article provides an ecosophical interpretation of an image of The White Whale in Herman Melville's Moby Dick novel.

Экологическая философия демонстрирует нам возможность использования современных концепций естествознания и философии в изучении литературного произведения. Природа рассматривается не просто как художественный образ, а картина мира, открывающая читателю богатство мыслей и символов, систему материальных, духовных и эстетических ценностей человечества [1]. Она становится ценностью, воплощая форму познания мира и человека, реализуясь как определенный продукт мировоззрения (она существует в сознании героя, является для него определенной ценностью). Роль в художественном мире не ремарочная, не фрагментарная, а философская, ориентированная на раскрытие сложных надтекстовых и подтекстовых вопросов миропонимания, которые всплывают в сознании героя и читателя.

Роман Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый Кит» (1851), признанный ныне одним из величайших произведений мировой литературы, был не понят современниками. Они оценивали его как выдающийся морской роман или как кладезь естественнонаучных знаний. Этико-философская проблематика часто оставалась на втором плане или не упоминалась. Однако, «Моби Дик» – это не производственный роман. Китобойный промысел лишь образует круг обстоятельств, в которых находят свое воплощение куда более сложные и фундаментальные проблемы. «Моби Дик» – роман о китах в такой же степени, если не в большей, как и роман о китобоях. Однако постепенно киты переходят из разряда морских животных в разряд продуктов человеческого духа и начинают жить двойной жизнью. Первая, материальная, протекает в океанских глубинах, она описывается в биологических и промысловых терминах. Вторая, метафизическая, постепенно разворачивается в человеческом сознании. В этой второй жизни киты приобретают не столько биологическую, сколько символическую природу. В сущности, вся «китология»

в «Моби Дике» ведет к Белому Китаю, почти не имеющему отношения к промыслу. Его жизнь в человеческом сознании гораздо важнее его материального существования. Моби Дик воплощает необъятный Космос. Он прекрасен, потому что белоснежен, огромен, наделен фантастической силой и ужасен по тем же причинам. Белизна бесцветна, это видимое отсутствие всякого цвета. Она, олицетворяя что-то в сознании человека, сама является ничем, в ней лишь одно чудовищное безразличие. И если воспринимать Моби Дика как символ Универсума, то получающаяся картина мира оказывается исключительно холодной и жестокой. Во Вселенной нет никакой высшей разумной нравственной силы, управляющей человеческой жизнью и смертью. Есть только неопределенность, пустота, безмерность.

Образ Моби Дика не подлежит однозначной дешифровке. Кит содержит в себе столь много, что сама попытка подобной трактовки, кажущейся единственно верной, обречена на неудачу. Не случайно для каждого человека на китобойце он иное, чем для остальных. В Моби Дике заключены и кит, и воплощение мирового Зла, и эмблематическое обозначение вселенной. Каждое из этих толкований находит в романе и подтверждение, и опровержение. Кит имеет слишком много значений, этот образ избегает интерпретирующих его сетей. Важно не каков он на самом деле, а то, как его видят, воспринимают и понимают разные персонажи книги, носители различных типов познающего сознания, сталкиваясь с феноменом Белого Кита. Поэтому читателю сложно определить, какой из предлагаемых ему точек зрения придерживается сам нарратор. По этому поводу один из персонажей романа заметил: «Ну, вот и еще одно толкование все того же текста. Люди все разные, да мир-то один» [2]. Фигура кита полисемантична только для читателя, поскольку ему известно отношение к Моби Дику всех персонажей романа, каждое из которых вполне естественно противоречит одно другому.

Таким образом, природа как текст, предназначенный для чтения и интерпретации, у Мелвилла формируется в виде вселенной как шифр. При этом он не показывает различий между человечеством и животным миром, не ставит последний на более низкую ступень развития. Автор сосредотачивает все усилия на изображении изначальной борьбы человека с природой, и китобойный промысел в этой борьбе раскрывается как миф, воплощающий одно из основных человеческих устремлений. Мелвилл не идет на упрощения, приравнивая человека к добру, а кита ко злу. Хотя Ахав и видит в Моби Дике сосредоточение всей чертовщины жизни и мысли, но его понимание это лишь один из вариантов постижения многозначного романтического символа. Человек у Мелвилла хоть и цивилизован, но на деле наделен душой варвара, он слепой к реальному миру и мертвый к его смерти. Что еще раз говорит о возможности дешифровки образа Моби Дика как олицетворения всей природы. Не только созидающих, но и порой разрушительных, карающих человека сил, чья экологическая сущность такова, каков человек, их разгадывающий.

Библиографический список

1. Карако П.С. Природа в художественной литературе / П.С.Карако – Минск, 2009. 304 с.
2. Мелвилл 1987: Мелвилл, Г. Собрание сочинений: В 3 т. Т.1. Моби Дик, или Белый Кит: Роман / Г. Мелвилл; Пер. с англ. И. Бернштейн. Л.: Худож. лит., 1987. 639 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ПРОПАГАНДЫ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

LINGUISTIC FEATURES OF PROPAGANDA ON THE INTERNET

Е.О. Данилов

E.O. Danilov

Научный руководитель: А.В. Кипчатова
Scientific adviser: A.V. Kipchatova

Пропаганда, Интернет, юрлингвистика, ислам, идеология, экстремизм.

В статье рассматриваются лингвистические признаки пропаганды на основе анализа языкового материала интернета с использованием различных методов: дискурс-анализа, контент-анализа, семантико-прагматического, сопоставительного и др. Предлагается собственное определение понятия «пропаганда», которое до сих пор не имеет чёткой дефиниции. В результате исследования были выделены некоторые лингвистические признаки пропаганды в сети Интернет в соответствии с предложенной условной классификацией рассматриваемого явления.

Propaganda, Internet, legal linguistics, islam, ideology, extremism.

The following article examines the linguistic features of propaganda based on the analysis of Internet linguistic material using various methods, such as discourse analysis, content analysis, semantic and pragmatic analysis, method of contrast, etc. The author proposes his own definition of the concept of “propaganda”, which still does not have a clear definition. As a result of the research, some linguistic features of propaganda on the Internet were identified in accordance with the proposed conditional classification of the phenomenon under consideration.

Пропаганда – распространение адресантом (а в случае с соц. сетями и Интернет-дискурсом – скорее, распределёнными адресантами) различных идей, взглядов, представлений, включённых в границы *конкретной идеологии*, которое может сопровождаться (а может и не сопровождаться и подаваться как «собственное» мнение, как желание поделиться этим мнением, что является манипулятивным приёмом) убеждением адресат(а/ов) в их наибольшей состоятельности, приоритетности, важности, соответствии истинному положению вещей и др. (иными словами, распространение оценочное или субъективное) с помощью рациональной и эмоциональной (экспрессивно-ценностной) аргументации. Отдельные словари и исследователи [1, 2, 3, 4] выделяют следующие черты феномена пропаганды как явления:

- целевая направленность;
- ангажированная оценка;
- поэтапность и системность;
- наличие вербальной и иллюстративной составляющей;
- инициирование практических действий;
- непрерывность воздействия;
- массовость.

На наш взгляд, к наиболее состоятельным и действительно свойственным пропаганде в интернете следует отнести следующие признаки: *целевую направленность, ангажированную оценку, наличие вербальной и иллюстративной составляющих*.

Кроме того, в ходе исследования мы подразделили всю пропаганду на два условных типа: «положительную» и «отрицательную». «Отрицательная» пропаганда – та, которая попадает под понятие «экстремизм» и распространение которой преследуется в соответствии с уголовным кодексом, – именно этот аспект пропаганды рассматривается в контексте юрислингвистики. «Положительная» пропаганда зачастую преследует цель воздействия, привлечения к тому предмету или объекту, который оценивается адресантом положительно, имеет вполне легальные способы распространения, не противоречащие законодательству. В процессе анализа текстов, нашедших отражение в интернет-дискурсе, были выделены характерные признаки «положительной» (см. Приложение А) и «отрицательной» (см. Приложение Б) пропаганды: результаты этого анализа представлены в ниже приведенной таблице.

	Положительная пропаганда (на основе примеров с сайтов об исламе)	Отрицательная пропаганда (на основе личных публикаций радикальных исламистов)
Аргументация	Преимущественно фактологическая	Преимущественно эмоциональная
Целевая направленность	Имплицитна: убеждение в “истинности” течения, привлечение внимания к нему; просвещение	Имплицитна: убеждение “своих” во враждебности “чужих”; пробуждение интереса к радикальному исламу
Иллюстративный материал	Почти не используется	Занимает существенное место
Ангажированная оценка	Отмечается	Отмечается
Частные признаки	Комплексность материала	Краткость сообщений
	Синкретичный характер материала	Интенциональность регулятивного типа
	Особые авторские образы (“свидетель”)	Особые авторские образы (“всеведущий”)
	Компенсация нехватки аргументов убеждающими конструкциями	Некоторая неопределённость высказываний

В результате сопоставления типичных примеров «положительной» и «отрицательной» пропаганды нам удалось отобрать и выделить основные лингвистические признаки, лежащие в основе построения текста пропагандистского характера.

Библиографический список

1. Савельева Е. Н. Художественно-образные формы неявной пропаганды нацизма как предмет культурологической экспертизы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 104-108.

2. Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
3. Безбородова Ю. В., Коростелева Л. В. Креолизованный текст в структуре пропагандистского дискурса // Политическая лингвистика. 2019. – № 6 (78). – С. 159–163.
4. Абдулова В. Ф. Современная государственная пропаганда: теоретические и прикладные аспекты: автореф... дис. кан. полит. наук. Казань: 2007. 23 с.
5. Безбородова Ю. В., Коростелева Л. В. Креолизованный текст в структуре пропагандистского дискурса // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 159–163.
6. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А. Н. Баранов. 4-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2012. 592 с.
7. Кукушкина О. В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. РФЦСЭ при Минюсте России. М., 2011. 330 с.

Приложения

Приложение А

(<https://islam-today.ru/veroucenie/nacinausim/6-dokazatelstv-istinnosti-islama/>)

2. Коран – слова Аллаха, которые никогда не были изменены никем из людей.

Всевышний Аллах говорит: *«Поистине, Мы ниспослали [Коран как] Наставление, и Мы, без сомнения, сохраним его [от искажений и изменений]»* (сура «аль-Хиджр», аят 9).

Коран был ниспослан Пророку Мухаммаду (мир ему) и под его контролем записан сподвижниками. Более того, сотни и тысячи сподвижников заучивали Коран наизусть и передавали его текст из уст в уста, слово в слово верующим во всей Аравии. Каждое слово, каждая буква Корана остались без изменения на протяжении уже более чем 1400 лет с момента ниспослания.

4. Научные доказательства

Некоторые из аятов Корана только сейчас, с развитием науки и техники, подтверждаются в лабораториях и обсерваториях. Такими открытиями являются, например, поверхностное натяжение воды, из-за которого жидкости с разными плотностями, включая воду, могут не смешиваться друг с другом.

[Что говорит Коран о феномене не смешивающихся вод? >>](#)

В Коране об этом сказано: *«Он создал два моря, которые встречаются друг с другом. Между ними преграда, которую они не могут перейти»* (сура «ар-Рахман», аят 19-20).

В Коране множество других феноменов, открывшихся человечеству сравнительно недавно. Например, расширение Вселенной, некоторые аспекты эмбриологии и многие другие факты, которые не могли быть известны людям 1400 лет назад.

[Как научные открытия доказывают истинность Корана? >>](#)

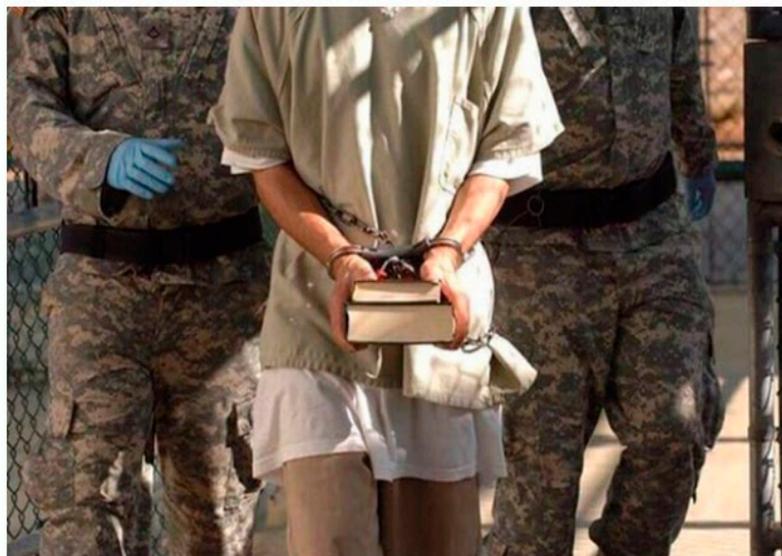
1 июн 2020

Братья хватит терпет. Джихад наш пут

6 авг 2019 в 17:33

Они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей веры, если только смогут(2:217)

67

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА РАБОТЫ С ЧИТАТЕЛЯМИ (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

THEATRICALIZATION AS A FORM OF WORKING WITH READERS (HISTORY AND MODERNITY)

В.С. Девятова

V.S. Devyatova

Научный руководитель: Н.В. Лебедева
Scientific advise: N.V. Lebedeva

Театрализация, история, форма работы, методика, средство воспитания и образования, уроки литературы, школьные спектакли, развитие речи.

В статье рассмотрена эволюция театра как формы работы с читателем на протяжении нескольких веков: с 17 века до наших дней, выделяются особенности данной формы работы в зависимости от исторического контекста и задач образования в разные эпохи.

Theatricalization, history, form of work, methodology, means of education, literature lessons, school performances, speech development.

The article examines the evolution of theater as a form of work with the reader over several centuries: from the 17th century to the present day, highlights the features of this form of work, depending on the historical context and the tasks of education in different epochs.

В учебном пространстве понятие «театр» оформилось несколько столетий назад. Взаимопересечение уроков литературы и театра определило такие уникальные явления как «школьный театр» и «методика обучения выразительному чтению учеников», а также такую форму работы с читателями как «театрализация».

Театрализация в образовании имела свои истоки и свой путь развития. Новатором в поиске форм приобщения к чтению является Симеон Полоцкий. В 1673 году был основан первый в России театр. Симеон Полоцкий сам отбирал для показа библейские сюжеты, а так же создавал собственные пьесы [Арзамасцева 2007: 83–84]. Театр использовался в образовательной деятельности Симеона Полоцкого в первую очередь как средство духовного воспитания.

Спустя два века театр по-прежнему актуален для процесса образования. Во второй половине 19 века театр играл немаловажную роль в светском образовании и воспитании. В.П. Острогорский одним из первых оценил образовательную и воспитательную силу театра. Виктор Петрович писал комедии и сам в них играл. Острогорский большое внимание уделял не только посещению театра, но и обучению учеников выразительному чтению и чтению наизусть как методам осмысленного, эмоционального, более чувствительного восприятия произведений [Богданова и др. 1995: 36–38].

Мария Александровна Рыбникова – известный методист первой половины 20 века так не стала ограничиваться походами в театр, она сама организовывала

школьные спектакли. Театр Мария Александровна рассматривала преимущественно как внеклассный вид учебной деятельности. [Рыбникова 1963: 14–15]. По мнению Марии Александровны, на уроках литературы к использованию театрализации нужно подходить очень осторожно. Театрализация использовалась ею при изучении сказок и пьес. [Рыбникова 1963: 168].

Педагоги 21 века используют театр как форму работы с читателем (учеником) как на уроках литературы и внеклассного чтения, так и для внеклассной работы: это разнообразные школьные спектакли и литературные гостиные, примечательно, что это системная форма работы со школьниками. Так, учитель М.Е. Бойкова (Тверская область) публикует большое количество своих наработок по изучаемой нами теме в журнале «Литература в школе», например... Учитель не боится говорить со своими учениками на непростые темы. Примером может служить спектакль по книгам о геноциде еврейского народа во время второй мировой войны [Бойкова 2018: 9–14]. Театрализация помогает детям наглядно увидеть трагедию, которую пришлось пережить многим, а так же поднимает множество нравственных вопросов.

Одним из учителей, активно использующих форму театрализации, является С. А. Тюрморезова (г. Сургут) . Ею удачно реализовано множество задумок по театрализации произведений, например, по творчеству И.С. Тургенева «Из тьмы он вывел женщину на свет...». Данная постановка направлена на расширение знаний о творчестве Тургенева, раскрытие творческих способностей, реализацию потребностей в самовыражении, а также на повышение общей культуры [Тюрморезова 2017: 8–11]. Стоит подчеркнуть разные задачи театрализации на примере данных работ. Если Бойкова акцентирует внимание на воспитательной задаче, то опыт Тюрморезовой направлен на решение образовательных задач.

История учебного театра насчитывает около 350 лет. У истоков стоял С. Полоцкий, продолжили традиции – Острогорский и Рыбникова, они обогатили опыт своего предшественника. В 21 веке театрализация как системная форма работы не теряет своей актуальности, все чаще встречаясь на современных уроках литературы как одну из форм удачной работы с читателем-учеником.

Библиографический список

1. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: учебник для студ. высших и средних пед. учеб. заведений. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2007, 576 с.
2. Методика преподавания литературы / О. Ю. Богданова., В.Г. Маранцман, В. Ф. Чертов и др. // Просвещение, ВЛАДОС–М, 1995, 286 с.
3. Рыбникова М. А. Очерки по методике литературного чтения . 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1963, С. 14–15, 288 с.
4. Бойкова М.Е. Я должна рассказать // Уроки литературы. 2018. №8. С. 9–14.
5. Тюрморезова С.А. Из тьмы я вывел женщину на свет... // Уроки литературы. 2017. №8. С. 8–11.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «КОРОНАВИРУС / COVID-19»

LEXICO-SEMANTIC FIELD “CORONAVIRUS / COVID-19”

Е.Ю. Долженкова

E.Yu. Dolzhenkova

Научный руководитель: Е.В. Осетрова
Scientific adviser: E.V. Osetrova

Коронавирус, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, лексическое значение, ядро, периферия

Материалом для анализа лексико-семантического поля «коронавирус» послужили тексты российских новостных интернет-порталов. В результате выделены четыре лексико-семантические группы, организующие данное поле: «Борьба с коронавирусом», «Развитие пандемии», «Сценарий болезни» и «Население и коронавирус».

Coronavirus, lexical-semantic field, lexical-semantic group, lexical meaning, core, periphery

The materials for the analysis of the lexical and semantic field of the «coronavirus» were the texts of Russian news Internet portals. As a result, four semantic groups that organize this field were identified: «Fight against coronavirus», «Development of a pandemic», «Scenario of the disease», «Population and coronavirus».

Эпидемия коронавируса 2019–2021 гг., второй год заставляет народы и государства принимать меры для сдерживания распространения заболевания. Язык, очевидно, реагирует на сложившуюся ситуацию. Одним из следствий подобной реакции стала активизация целой группы лексем, формирующих лексико-семантическое поле «*Коронавирус / covid-19*» – объект лингвистического анализа в данном случае.

В зарубежном и отечественном языкознании теория поля разрабатывается с XIX века, и первые его исследования связаны с именами Й. Трира и Г. Ибсена. Впоследствии теория поля постоянно дополнялась и перерабатывалась многими зарубежными и отечественными учеными, в том числе Ю.Н. Карауловым [1].

Цель данной работы – построение лексико-семантического поля «*коронавирус / covid-19*» на основе структурного типа лексико-семантического поля. Материалом для анализа послужили тексты новостных интернет-порталов («Meduza», «Lenta.ru» «РИА Новости», «ТАСС»), в которых обсуждается данная тема и которые собраны в 2020-2021 гг.

Ядром выбранного семантического поля является лексема *коронавирус*, в общем значении которого отсутствует эмоциональная окраска. Архисему поля «коронавирус» определим как ‘инфекционное заболевание’, что позволяет определить состав ядра, включающего, помимо «коронавируса», 4 его синонима: «заболевание», «инфекция», «вирус», «ковид». В качестве ближней периферии выделены стилистически нейтральные лексемы, являющиеся доминантами синонимических рядов – *пандемия, эпидемия*. К дальней периферии отнесены стилисти-

чески нейтральные слова и устойчивые словосочетания, которые не являются доминантами синонимических рядов – *карантин, масочный режим, первая / вторая / третья волна*.

При исследовании семантического поля, кроме того, выделены 4 лексико-семантические группы. Самой обширной является группа «Борьба с коронавирусом» (46 % от общего числа выбранных лексем). Это можно объяснить тем, что недопущение распространения заболевания, а также достижение коллективного иммунитета – первостепенные задачи для каждой страны мира, что отражается и в языке: *маски, масочный режим, локдаун, вакцина, вакцинация, антиковидные меры, ограничительные меры, антикоронавирусные ограничения, коронавирусные ограничения, закрытые границы, «удаленка», дистанционка», «длинные выходные»* и др.

В следующую группу – «Развитие пандемии» (17 %) – вошли лексические единицы и устойчивые словосочетания, которые определяют степень распространения вируса и способы противодействия ему: *первая / вторая / третья волна, вспышка, карантин, локдаун, вакцинация, ковид-паспорта, новый штамм*.

В лексико-семантическую группу «Сценарий болезни» (23 %) включены глаголы, обозначающие действия или процессы, связанные с динамикой развития коронавируса у человека. В данном случае проявляется потенциал глаголов, которые дают детализацию отдельных физических и социальных процессов и этапов течения болезни: *заражаться, госпитализировать, диагностировать, лечить, долечить, вылечить, выздороавливать* и др.

Наконец, выделена лексико-семантическая группа «Население и коронавирус», состоящая из прилагательных и причастий, которые наименее употребляемы, судя по собранным контекстам (13 %). В данную группу вошли лексемы, объединенные семей 'граждане'. Преимущественное употребление именно прилагательных в данной группе объясняется ориентированием на описание состояния граждан, так или иначе, соприкоснувшихся с коронавирусной инфекцией; например: *переболевшие, привитые, провакцинированные, заразившиеся, зараженные, больные, ковид-положительные*. Каждое из них может употребляться как определение по отношению к главному слову, но может и номинализироваться, выступив в высказывании в функции существительного.

Итак, анализ лексико-семантического поля и его содержательного состава свидетельствует минимум о двух вариантах языкового отражения постигшего цивилизацию испытания:

– первый вариант связан с описанием глобальной реакции государств на катаклизм (группы «Развитие пандемии» и «Борьба с коронавирусом»);

– второй вариант демонстрирует более сосредоточенный «языковой взгляд» на ту же проблему, когда в фокусе внимания оказываются люди (человек) как ущемленные объекты воздействия болезни и одновременно как объекты заботы со стороны лечащих субъектов (группы «Сценарий болезни» и «Население и коронавирус»).

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕРОЯ РОМАНА «ПРИЗРАК ОПЕРЫ» В ЭКРАНИЗАЦИИ Д. Х. ХИТТЛА

THE TRANSFORMATION OF THE HERO OF THE NOVEL «THE PHANTOM OF THE OPERA» IN THE FILM ADAPTATION OF D. H. HITTLE

М.А. Дубинина

M.A. Dubinina

Научный руководитель: **О.А. Шереметьева**
Scientific adviser: **O.A. Sheremetyeva**

Гастон Леру, Призрак Оперы, Эрик Дэстлер, интерпретация, экранизация, трансформация героя.

В статье рассматриваются особенности интерпретации главного героя романа «Призрак Оперы» на примере экранизации американского режиссера Дуайт Х. Литтла. В результате работы определена трансформация персонажа по нескольким параметрам: элементы биографии Призрака Оперы, внешне характеристики, внутренним качествам.

Gaston Leroux, The Phantom of the Opera, Eric Destler, interpretation, adaptation, transformation of the hero.

The article examines the peculiarities of the interpretation of the protagonist of the novel «The Phantom of the Opera» on the example of the film adaptation of the American director Dwight H. Little. As a result of the work, the transformation of the character was determined according to several parameters, in particular: according to the elements of the biography of the Phantom of the Opera, external characteristics, internal qualities.

Готический роман Гастона Леру «Призрак Оперы» был опубликован полностью в 1910 г. Первой известной экранизацией романа стал фильм 1925 г. Всего выпущено 9 киноверсий. Режиссеры трансформировали не только сюжет произведения, но и характеры героев, биографию, внешность. Особое место среди них занимает вольная экранизация романа Дуайт Х. Хиттла 1989 года, в которой главный герой представлен жестоким и бессердечным человеком.

В отечественном литературоведении не предпринималось попыток сравнить данную работу режиссера с произведением Г. Леру «Призрак Оперы». В статье мы постараемся обозначить основные моменты сопоставления.

Фильм начинается с истории происхождения Призрака Оперы. К безызвестному композитору Эрику Дэстлеру является Сатана с предложением продать душу, а взамен получить признание обществом его музыки. После подписания договора Сатана уродует внешность героя.

У Г.Леру роман – журналистское расследование, основанное на реальных событиях, что исключает фантастическую встречу с Сатаной. Причиной уродства героя по книге является врожденная патология («Моя мать, моя бедная, несчастная мать никогда не позволяла мне целовать ее. Она сбрасывала мою маску и убегала»

[1, с. 374]). У Г. Леру Эрик носит маску, что бы скрыть свое безобразие. Часто прячется в тайных местах театра, чтобы другие слышали только его голос.

Д. Х. Хиттл представляет зрителям героя без маски. В фильме показана сцена пришивания Э. Дэстлером на лицо кожи тех людей, которых Призрак убивает. До финального эпизода с маскарадом Эрик Дэстлер предстает перед другими персонажами как обычный человек, гриммируя свои незаживающие шрамы.

Черты характера Призрака Оперы в фильме тоже претерпели изменения. В романе Эрик, с одной стороны, он показан обозленным человеком, ради достижения своей цели готовый на много, с другой стороны, он несчастный человек, который, подобно Квазимодо из «Собора Парижской богоматери», заслуживает сочувствия и сострадания, так как одинок и отвергнут обществом из-за внешнего уродства. В нем живет две противоборствующие силы – ненависть к обществу, которое не принимает его, и желание стать его частью.

В экранизации романа Д. Х. Хиттлом Эрик Дэстлер – антигерой. В нем нет благородных чувств. Его сущность эгоистична, тщеславна, он стремится удовлетворить свои желания всеми возможными способами. Готов продать душу ради известности, убивает каждого, кто может помешать ему. Выбирает для этого самые бесчеловечные способы (отрезание головы, снятие всего кожного покрова). Для него Кристина Даэ – это не любимая женщина, а символ его музыки, за которую он отдал душу дьяволу, поэтому он безумно желает обладать голосом Кристины Даэ, пытается завладеть телом девушки и избивает ее, когда она пытается спасти возлюбленного.

Таким образом, в кинофильме 1989 года в создании образа Призрака режиссером делается акцент на его жестокости и преступности, в нем не осталось ни одного светлого чувства. Даже любовь к музыке озарена кровавыми помыслами и эгоистическими желаниями. Можно предположить, что такая трансформация образа продиктована, с одной стороны, жанром фильма – драма–ужас, с другой стороны, желанием режиссера показать, как жажда славы и известности губит не только жизнь, лицо Эрика Дэстлера, но и душу. Такой герой, по мнению Д. Х. Хиттла, обречен на вечные страдания и одиночество.

Библиографический список

1. Леру Г. Призрак Оперы: роман / Гастон Леру; пер. с фр. Д. Миролубовой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 384 с.

КОНЦЕПТ «ГОРОД» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

THE CONCEPT «CITY» IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

И.А. Захарова

I.A. Zakharova

Научный руководитель: Е.В. Осетрова

Scientific adviser: E. V. Osetrova

Лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, ключевая идея, языковой образ, семантическая роль.

В работе с использованием методики семантического анализа реконструированы два метафорических образа города. Показано, что образная структура рассматриваемого концепта основана на идее контраста: 1) *городу-власти* языковое сознание приписывает функции активного субъекта, который обладает финансовой самостоятельностью, совершает действия социальной, экономической и культурной природы, обладая при этом властной волей и правом принуждения (*настаивать, заставить*). *Город как народ* намного менее активен, выступая в позиции бенефицианта, имеющего преференции от деятельности властей (*получать*).

Cultural linguistics, linguistic worldview, concept, key idea, linguistic image, semantic role.

In this work, using the method of semantic analysis, two metaphorical images of the city are reconstructed. It is shown that the figurative structure of the concept is based on the idea of contrast: 1) the linguistic consciousness ascribes some functions of an active subject who has financial independence, performs actions of a social, economic and cultural nature to *The city as a power*, while possessing an imperious will and the right to coerce (*to insist, to force*). *The city as a people* is much less active, acting in the position of a beneficiary who has preferences from the activities of the authorities (*to receive*).

Язык – важнейший способ формирования знаний человека о мире. Отображая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует результаты познания в словах. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, представляет «языковую картину мира» [1, с. 159], которую, в свою очередь, позволяет описывать «концепт» – «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [2]; единица индивидуальной и общественной памяти.

Концепт «город» вызывает в обозначенных понятийных границах особый интерес, поскольку, говоря о современном социуме и субъектах, его составляющих, прежде всего имеют в виду городское сообщество и городских жителей. Город является средоточием политических, экономических и культурных связей, источником идей и традиций своего времени.

Исследование материалов Национального корпуса русского языка (100 текстовых фрагментов из газетных публикаций 2000-х гг.) показало, что данный концепт предстаёт не только как географический объект, промышленный и культурный центр. Город описывается как некое живое существо, живущее по своим законам и в своем ритме.

В процессе семантического анализа глагольной, номинативной (имена существительные) и квалификативной (имена прилагательные) лексики установлено, что для создания антропоморфного образа *города* используются две главные метафорические идеи, которые как будто противопоставлены прямому и рутинному представлению о нем как о типичном пространстве либо географической и социальной координате; к примеру: *в городе был построен; поехать в город, уехать в город, идти в город, выезжать за город / из города / через город* и т.п..

Первая из двух заявленных к рассмотрению метафор развивает образ *города* до представлений о живом деятеле – более того, субъекте власти: *город платит за каждого ученика; город не будет больше привлекать независимых оценщиков; город пытается заставить застройщиков ускорить проектно-строительные работы; город и область настаивали на необходимости создать именно юго-восточный транспортный кластер; город выделит почти 104 млн рублей; город готовится к приему русских туристов*.

Второй метафорический образ *города* также связан с «живой» ассоциацией, однако, отсылает к известному коагенсу власти – народу, населению: *город получил нормальные объезды и дороги, и улицы чистые; весь город в один час взял и положил на работу жезл своего к ней безразличия*.

Из анализа материала можно сделать вывод о том, что образная структура рассматриваемого концепта основана на идее контраста: *городу-власти* языковое сознание приписывает функции активного субъекта, который совершает действия социальной, экономической и культурной природы, и, что не менее важно, обладает властной волей и правом принуждения (*настаивать, заставить*), которые базируются в том числе на его финансовой самостоятельности. *Город* как *народ*, судя по собранному материалу, намного менее активен, выступая в позиции бенефицианта, имеющего преференции от деятельности властей (*получать*), либо в позиции пассивного субъекта, проникнутого *безразличием*.

Итак концепт *города* приобретает все большее значение в языковой картине мира современного человека, формируя его мировоззрение, в том числе, образное представление о преимущественной среде обитания, и отражая в этой структуре соотношение социальных сил.

Библиографический список

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
2. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ (НА ПРИМЕРЕ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ФИЛЬМЕ «ОБЩЕСТВО МЁРТВЫХ ПОЭТОВ», 1989)

SPEECH INTERACTION IN PEDAGOGICAL COMMUNICATION
(ON THE EXAMPLE OF A CINEMATIC TEXT
IN THE FILM “DEAD POETS SOCIETY”, 1989)

Ю.А. Кардава

J.A. Kardava

Научный руководитель: Н.А. Бурмакина
Scientific adviser: N.A. Burmakina

Общение, речевое взаимодействие, лингвистический анализ речи учителя, педагогическая техника, профессионально-ориентировочная форма, диалог.

Статья посвящена анализу понятия «речевое взаимодействие» с точки зрения лингвистического аспекта сценария фильма «Общество мёртвых поэтов», снятого по мотивам одноименной книги Нэнси Клейнбаум. Анализ текста будет проводиться на основе лексикографических источников. Целью статьи является лингвистический анализ речи учителя в кинотексте.

Communication, speech interaction, linguistic analysis of the teacher's speech, pedagogical technique, professional orientation form, dialogue.

The article is devoted to the analysis of the concept of “speech interaction” in the pedagogical process with an indication of the linguistic aspect of the film script. The text analysis will be performed on the basis of lexicographic sources. The purpose of the article is to develop a linguistic analysis of the teacher’s speech in cinematography and the script of the film, to consider the language means that are used by the teacher in the film, to show how they psychologically affect the teacher’s speech, what results of such a person’s speech behavior can be.

Современная речь учителя разнообразна и включает в себя многие коммуникативные навыки, которые проявляются напрямую в педагогической деятельности. Мы будем рассматривать эффективность общения учителя и ученика, как влияет общение учителя на учащихся.

Книга «Общество Мёртвых поэтов» и ее экранизация являются объектом анализа как педагогического взаимодействия, так и речевого лингвистического контекстуального анализа. В фильме представлена школа для юношей Уэлтон, в которой принципами являются “традиция, честь, дисциплина и совершенство”. Джон Китинг – новый преподаватель литературы, который рушит стереотипы преподавания своим оригинальным подходом к ученикам. Учебный процесс проходил по всей строгости и закреплялся в конкретном плане. Джон Китинг заметно отличался от всех учителей. В его речи соблюдены нормы диалога. В диалоге есть метафоры. Например, учитель просит себя называть неформально, цитируя строку из произведения Уолта Уитмена: “О, капитан! Мой капитан!”. С первого же

знакомства впечатлил своей неординарностью. В контексте книги это выглядело так: «He jumped dramatically onto his desk and turned to face the class. “O Captain! My Captain!” he recited energetically, then looked around the room. “Who knows where that’s from? Anybody? No?”». Так, он реализует метафору лидерства учителя, который является капитаном школы-корабля, его ученики признают его главенство.

Отмечается умение педагога устанавливать контакт с учащимися на основе своей педагогической задачи. Он вызывает интерес не только к своей персоне, но и к предмету: «...boys in the class chuckled out loud». Выражение означает «громко рассмеяться». На английском есть синонимичное выражение «make a clucking noise», то есть гогочущий смех, который создает шум. Допустимо ли в рамках школы именно такая реакция? Конечно, нет! Ведь громкий гогочущий смех – это нарушение дисциплины.

В речи учителя звучит фраза на латинском языке «Carpe Diem», что означает «лови момент». На английском языке «seize the day». В этимологическом словаре слово seize происходит от старофранцузского слова seisir – овладеть, взять силой, поставить во владение. Этим выражением Китинг снова хочет донести до мальчиков простую истину – нужно наслаждаться моментом, «берите силой» этот момент и просто не теряйте время. Послушав одного ученика, он обратился к самому тихому ученику Тодду Андерсону, новому ученику, который большую часть времени отмалчивался и был тихоней. Мистер Китинг видит, что им овладевает агония («I see you’re in agony»), в русском языке агония – это состояние больного, при котором проявляются верные симптомы смерти. В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона слово «агония» означает борьбу со смертью, смерть становится враждебной силой [1]. Китинг, употребляя это слово, хочет усилить и гиперболизировать волнение мальчика. В греческом языке агония – это борьба за победу, всякая борьба это испытание. Для молодого человека это перебороть свой страх выступать на публике. Далее учитель говорит: «Вставайте же, Тодд. Давайте избавим Вас от этих страданий». Он понимает, что мальчику сложно даже попытаться побороться с этих треморным состоянием. Он создаёт для него условие самовыражение, начиная со строчки стихотворения Уолта Уитмена «Песнь о себе», которые раскрывают «крик души» поэта, а теперь и Тодда Андерсона. Слово «уау» – это вариант слова «уе!» в русском языке: «эхо» [2]. Эхо Уолта Уитмена – это и есть «дикарский клич», который находит отголоски в других людях. Мистер Китинг просит Тодда произнести свой победный клич в борьбе с самим собой. Он раскрывает его творческий потенциал с помощью импровизации. Таким образом, анализ позволил отметить речевую компетентность учителя, высокий профессионализм, так как учитель активно содействует развитию творческого потенциала учеников.

Библиографический список

1. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Энциклопедический словарь. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890-1907.
2. Онлайн Этимологический Словарь. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 11.04.2021).

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ДЕТСКИЕ ГОДЫ СВЯТОСЛАВА-КНЯЗЯ» Е.П. ЧУДИНОВОЙ)

FORMATION OF THE READER'S INTEREST
OF YOUNGER TEENAGERS TO THE HISTORICAL THEME
IN FICTION (ON THE EXAMPLE OF THE STORY
"THE CHILDHOOD YEARS OF SVYATOSLAV THE PRINCE"
BY E. P. CHUDINOVA)

Я.В. Краснощекова

Ya.V. Krasnoshchekova

Научный руководитель: Н.В. Уминова
Scientific adviser: N.V. Uminova

Внеклассное чтение, детская историческая проза, Древняя Русь, популяризация истории, духовно-нравственное развитие и воспитание.

Статья посвящена проблеме формированию читательского интереса школьников к исторической теме в художественной литературе через чтение текстов, вызывающих у школьников эмоциональный отклик. В статье приведен опыт проведения урока внеклассного чтения по рассказу Е.П. Чудиновой «Детские годы Святослава-князя».

Extracurricular reading, children's historical prose, Ancient Russia, popularization of history, spiritual and moral development and education.

The article is devoted to the problem of formation of the reader's interest of schoolchildren to the historical topic in fiction through reading texts that cause an emotional response in schoolchildren. The article presents the experience of conducting an extracurricular reading lesson based on the story by E. P. Chudinova "The childhood years of Svyatoslav the Prince".

На современном этапе перед учителем литературы стоит важная задача – сформировать у обучающихся читательский интерес, ведь от этого зависит полноценное развитие личности школьника. Большинство текстов, предлагаемых для прочтения в школе, сложно воспринимается обучающимися, потому что они написаны для взрослых читателей. Особенно остро эта проблема проявляется при изучении произведений на историческую тему.

Мы считаем возможным путем решения обозначенной проблемы включение во внеклассное чтение школьников современных текстов на историческую тему. Н.Е. Кутейникова полагает, что «исторические сведения расширяют кругозор учащихся, способствуют формированию представлений об основных периодах развития человечества и мировой культуры. Повышение общеисторической

культуры естественным образом содействует повышению и профессиональной (на пропедевтику), и общей культуры обучающихся» [Кутейникова Н.Е. 2015: 294].

Одной из тем, сложно воспринимаемых школьниками и на уроках истории, и на уроках литературы, является тема Древней Руси. Современная художественная литература предлагает ряд текстов, посвященных этому периоду в истории. «Специфика раскрытия темы Древней Руси заключается в том, что в произведениях воссоздан быт и показано мировоззрение средневекового человека: ценности, жизненные цели, устремления, традиции, приметы, обретение веры в Бога. Обращение к подобным произведениям дает возможность современному читателю получить опыт нравственной оценки событий и явлений окружающего мира» [Краснощекова, Уминова 2021: 9].

Мы считаем целесообразным обращение на уроке внеклассного чтения в 5 классе к рассказу «Детские годы Святослава-князя» Е.П. Чудиновой (из сборника «Лыбедь»). Читать это произведение можно после изучения блока «Из древнерусской литературы» (по программе В.Я. Коровиной). Ниже опишем собственный опыт проведения урока.

Рассказ посвящен годам взросления князя Святослава, сына княгини Ольги и князя Игоря. В ретроспективной форме повествуется о мести княгини Ольги древлянам за убийство своего мужа. Большое внимание уделено описанию быта и жизни маленького древнерусского князя, его подготовке к правлению страной, его мыслям о будущей деятельности: «Я буду бить печенегов! Я их отучу соваться в Русскую землю! Ведь я же сын княгини Ольги!» [Чудинова 2015: 77]

Этот текст выбран потому, что в нем главным героем является сверстник школьников, а также потому, что в нем показан первый этап перехода древнерусского государства от язычества к христианству.

Мы предлагаем следующие принципы работы с данным текстом:

- чтение текста на уроке учащимися (возможно фрагментами);
- выявление эмоционального восприятия после прочтения фрагментов;
- использование комментированного чтения;
- лексическая работа с незнакомыми словами в ходе чтения.

Опыт проведения урока внеклассного чтения показывает, что учащиеся очень эмоционально откликаются на проблемы, поднимаемые в этом тексте. Их внимание притягивает неоднозначный образ княгини Ольги, сначала представляющей очень жестокой, но верной, а потом полностью меняющей свое представление о мире и пришедшей к вере в Бога. Обсуждая образ княгини Ольги, школьники пришли к выводу, что в каждом человеке есть Добро и Зло и важно уметь признавать свои ошибки.

Учащиеся дали княгине Ольге следующие характеристики: мстительная, мужественная, отважная, добрая, смелая, храбрая, бесстрашная.

Следующий момент, который вызывает у школьников эмоциональный отклик, – описание подготовки князя Святослава к правлению, и факт того, что, пока княгиня Ольга была в путешествии в Византию, их сверстник уже правил государством, под руководством взрослых решал важные политические вопросы,

участвовал в военных походах. При обсуждении этих событий целесообразно проводить параллель с жизнью читателей, выводить учащихся на разговор об их сегодняшних целях, ценностях, интересах.

В качестве итоговой творческой работы можно предложить учащимся нарисовать портрет понравившегося героя и объяснить, что ученика в нем привлекло. Чтобы получить обратную связь, мы предложили обучающимся написать несколько слов о рассказе, о том, что нового они узнали. Приводим цитаты из работ: «Мне понравился рассказ, потому что я узнала много событий, которые происходили в прошлом не в скучной форме, а интересно, весело и познавательно»; «Я узнал, что Ольга приняла христианство первой и отомстила древлянам за своего мужа»; «Святослав вырос порядочным человеком, достойным своих матери и отца»; «Рассказ понравился, потому что в нем есть интересные события о наших ровесниках».

Мы считаем, что чтение произведений, которые вызывают у школьников живой эмоциональный отклик, выполняет не только развлекательную, но познавательную функцию, помогает формировать интерес к чтению, к познанию нового.

Библиографический список

1. Кутейникова Н.Е. История и современность в детско-подростковой прозе XXI века: литературоведческий и методический аспект/ Филология и культура. Philology and culture. 2015. №3(41) С. 294.
2. Краснощекова Я.В., Уминова Н.В. Содержательные и методические подходы к изучению современной исторической прозы в процессе внеклассного чтения подростков 5-9 классов// Вестник КГПУ. 2021. №1 (55). С. 5-13
3. Чудинова Е.П. Лыбедь (сборник). Изд. «Детская литература», 2015. 112 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ Т.Н.ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

FUNCTIONAL IMPORTANCE OF COLLOQUIAL VOCABULARY IN THE NOVEL BY T.N. TOLSTOY “THE SLYNX”

К.С. Любавский

K.S. Lyubavskiy

Научный руководитель: Н.Н. Бебриш
Scientific adviser: N.N. Bebrish

Языковая картина мира, лексические средства выразительности, индивидуально – авторская картина мира, выразительность языка, разговорная лексика.

В статье рассмотрена роль разговорной лексики в романе Т.Н. Толстой «Кысь», определена функциональная значимость и важность использования разговорных слов для формирования индивидуально – авторской языковой картины мира.

Linguistic picture of the world, figures of speech, individually – the author’s picture of the world, expressiveness of language, colloquial vocabulary.

The article examines the role of colloquial lexicon in the novel by T.N. Tolstoya “The slynx”, the functional significance and importance of using colloquial words for the formation of an individual – author’s linguistic picture of the world is determined.

Современная научная антропоцентрическая парадигма обращает нас к человеку как к создателю языка, воплощающего картину мира. «Нет ни одного текста, не порожденного коммуникативными намерениями субъекта речи...» [1, с. 20].

Цель статьи – выявление функциональной значимости разговорной лексики в тексте романа «Кысь» Т. Н. Толстой.

Разговорная лексика – «слова, употребляющиеся в устной речи, создающие специфику разговорного стиля литературного языка, использующиеся в непринужденной беседе» [2, с. 212]. В тексте романа «Кысь» отмечено значительное количество разговорных слов и выражений, знакомящих читателя с героями и их бытом: «*Бенедикт **натянул** валенки, **потопал** ногами, чтобы **ладно** пришлось, проверил печную вьюшку, хлебные крошки **смахнул** на пол – для мышей, окно **заткнул тряпицей** чтоб не выстудило...*» [3, с. 1].

Значение выделенных слов определялось по словарям С.И. Ожегова [4], Д. Н. Ушакова [5], А.П. Евгеньевой [6].

Натянуть. 2. Надеть с усилием, надвинуть (разг.) [4, с. 397]. **Потопать.** 1. разг. Топать некоторое время, топнуть несколько раз [6, с. 333]. **Ладно.** 2. нареч. разг. Вполне успешно, как полагается, как нужно [6, с. 160]. **Тряпица.** -ы, ж. (разг.). Небольшая тряпка (в 1 знач.) [4, с. 815].

Если заменять разговорные слова на синонимичные литературные, например: «натянул» на «надел», «ладно» на «хорошо», то теряются смысловая и выра-

зительная составляющие. Слово «потопать» проблематично заменить нейтральным синонимом так, чтобы сохранить выразительность текста. Роль разговорных слов заключается здесь в создании обиходно-бытового контекста.

Разговорная лексика часто встречается также в диалогах, например:

*«Я, голубушка, в молодые-то годы мог на одной ноге отсюда как **вон** до того пригорка допрыгать!... Я, говорю тебе, **бывало**, как гаркну – солома с крыши валится. У нас все в роду такие. Богатыри...»* [3, с. 2].

Значения выделенных слов в словарях: **Голубушка**, голубушки, жен. (разг.). Фамильярное, иногда с оттенком ласки, обращение к женщине [5, с. 592]. **Вон**² (разг.). 1. мест. нареч. Указывает на происходящее или находящееся в нек-ром отдалении [4, с. 96]. **Бывало** вводн. сл. (разг.). О вспоминаемом: случилось в прошлом, прежде [4, с. 65].

В диалогах разговорная лексика используется для создания речевого портрета героя. Наряду с разговорными в тексте употребляются просторечные слова (*выстудило, гаркну*), которые усиливают обиходно – бытовую атмосферу контекста, диалога.

Отметим основные функции разговорной лексики в тексте романа: 1) создание речевой характеристики персонажа (слово «*голубушка*» сообщает читателю о фамильярности, свойственной герою; его возрасту); 2) выявление социально – культурного уровня персонажа; 3) создание непринужденности, выразительности речи.

В этом заключается смысл использования Т.Н. Толстой данного типа выразительных средств – без них невозможно создать цельную языковую картину, отличающуюся авторским индивидуальным почерком. «Языковая картина – это результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [7, с. 97-99]. Перед автором художественного произведения стоит задача сделать так, чтобы читатели, с учетом своих субъективных представлений, «приняли» все стороны текста.

Библиографический список

1. Коммуникативная грамматика русского языка. / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. 524 с.
2. Самотик Л. Г. Лексика современного русского языка. М.: Флинта, 2012. 510 с.
3. Толстая Т.Н. Кысь. М.: АСТ, 2016. 352 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., М, 2007.
5. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Ред.: Д. Н. Ушаков. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935
6. Евгеньева А. П. Малый академический словарь. / Ред.: А. П. Евгеньева.; АН СССР, Ин-т рус. яз., 2-е изд. М.: Русский язык, 1981. 796 с.
7. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

PROBLEMS OF LEARNING RUSSIAN AS A NON-NATIVE LANGUAGE

А.К. Мокрецова

A.K. Mokretsova

Научный руководитель: В.Н. Замыслова
Scientific adviser: V.N. Zamyslova

Произношение, интеграция, иностранный акцент, сопоставительный анализ, фонетическая система, закономерность, позиционный.

В статье рассматриваются проблемы анализа иностранного акцента в русской речи школьников, для которых русский язык не является родным. Недооценка роли сопоставительной фонетики может приводить к ошибочной интерпретации особенностей иностранного акцента. За внешне сходными явлениями в акценте носителей разных языков могут стоять абсолютно разные механизмы фонетической интерференции особенностей родного языка на изучаемый. Поэтому методологию формирования орфоэпических и акцентологических навыков школьников, для которых русский язык неродной, можно разработать лишь после изучения результатов сопоставления звукового строя русского языка со звуковым строем родного.

Данные сопоставительной фонетики представляют собой не до конца реализованный потенциал, который может быть успешно использован для совершенствования курсов обучения русскому произношению.

Pronunciation, integration, foreign accent, comparative analysis, phonetic system, rule, positional.

Russian school students who do not speak Russian as their native language are considered in the article to analyze the foreign accent in the Russian language. Underestimating the role of comparative phonetics can lead to an erroneous interpretation of the features of a foreign accent. Apparently similar phenomena in the accent of native speakers of different languages can be completely different mechanisms of phonetic interference of the features of the native language on the studied one. Therefore, the methodology for the formation of orthoepic and accentological skills of schoolchildren can be developed only after studying the results of comparing the sound system of the Russian language with the sound system of the native language. Comparative phonetics data represent a potential that is not fully realized, and it can be successfully used to improve Russian pronunciation training courses.

В настоящее время в России перед большинством образовательных учреждений стоит задача интеграции в жизнь класса и школы детей, для которых русский язык неродной. Проблема обучения, воспитания и социализации школьников, овладевающих русским языком как вторым, в нашем регионе становится всё более актуальной в связи с увеличением их количества (по МАОУ СШ № 19 г. Красноярска с 5% в 2005 году до 22% в 2021 году).

Уровень владения русским языком у этих детей различный, но можно выделить некоторые общие черты: бедность словаря, несформированность словообра-

зовательных процессов; стойкие аграмматизмы, в том числе ошибки в согласовании прилагательных, числительных, притяжательных местоимений с существительными в роде, числе и падеже, в употреблении глагольных форм, использовании в речи предлогов. Особо стоит отметить несформированность фонематического слуха (трудности различения свистящих и шипящих, глухих и звонких, твердых и мягких согласных, соноров), следовательно, первоочередной задачей при составлении рабочей программы по русскому языку является социолингвистический анализ ситуации в конкретном классе. Исследование иностранного акцента подразумевает использование данных наблюдения над русской речью школьников-билингвов (анализ с позиции слушающего) и рассмотрение результатов сопоставления звукового строя изучаемого языка с родным (анализ с позиции говорящего).

Можно выделить три направления сопоставительного анализа фонетических систем: 1) исследование состава фонем и характеризующих их признаков в сопоставляемых языках; 2) описание артикуляционной базы и артикуляционного образования звуков изучаемого и родного языков; 3) анализ позиционных закономерностей звукового строя изучаемого и родного языков. На данный момент подобным образом нами проанализированы фонетические системы русского и узбекского языков (75% учащихся-инофонов, обучающихся в МАОУ СШ № 19 г. Красноярска, являются гражданами Таджикистана, при этом 80% из них – этнические узбеки). Это позволило сделать вывод, о том, что схожие звуковые единицы могут вступать в разные системы противопоставлений в «контактирующих» языках, иметь разные артикуляционные характеристики и, наконец, отличаться функционированием, что сопряжено с определенными позиционными закономерностями звукового строя языка. Следовательно, данные сопоставительного анализа могут быть успешно использованы для совершенствования обучения русскому произношению.

Библиографический список

1. Бархударова Е. Л. Методологические проблемы анализа иностранного акцента в русской речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2012. № 6.
2. Бархударова Е. Л., Фокина М. В. «Позиционный» акцент: анализ и практика обучения произношению // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2015. № 1 (14).

СПИРАЛЕОБРАЗНЫЙ ХРОНОС, КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕЙ ХТОНИЧЕСКОГО КОСМИЗМА

SPIRAL CHRONOS

AS AN EXPRESSION OF COSMIC CHTONISM

Р.В. Морозов

R.V. Morozov

Научный руководитель: С.Г Липнягова
Scientific adviser: S.G. Lipnjagova

Художественное время, хронотоп, хтонический космизм, спиралеобразная модель художественного времени, индуизм.

В статье рассматривается явление нестандартной модели художественного времени. Вводится термин «хтонический космизм» для определения комплекса философских идей, выраженных в произведениях Г.Ф. Лавкрафта, а также термин «спиралеобразная модель художественного времени».

Fictional time, chronotopos, chthonic cosmism, spiral model of a fictional time, induism.

The article examines the phenomenon of a non-standard model of fictional time. Also, the article introduces term “chthonic cosmism” to define the complex of philosophical ideas expressed in the works of H.P. Lovecraft, and the term “spiral model of fictional time”.

Известные науке модели хронотопа характеризуют прежде всего текст литературный. [1] Среди текстов других типов от литературного отличается хронотоп визуально-интерактивного нарратива. Рассматривая видеоигру, как текст, отметим – специфика его организации в синкретичной природе, в сочетании различных типов кодировки и ее многоуровневости.

Литература представляется источником не только различных типов и формы текста, но даже философских систем. Из фантастики, якобы низколитературной и безыдейной, происходит направление философии космического ужаса, синтезированное Г.Ф. Лавкрафтом на основе экзистенциализма, хаоса, страха, индуизма. Лавкрафтианская философия не является полноценно оформленным направлением, т.к. представлена лишь в художественных произведениях. Однако говорить о ее существовании позволяет выражение философских положений во многих работах Лавкрафта и ее активное функционирование в произведениях последователей автора.

За неимением иного для номинации комплекса философских идей, выраженных в работах Г.Ф. Лавкрафта и его последователей, нами используется понятие «**хтонический космизм**». *«Хтонический космизм – комплекс философских идей, сформулированных Г.Ф. Лавкрафтом (и его литературными последователями) и базирующихся на философии экзистенциализма, хаоса и отчаяния».*

Хтонический космизм происходит из шиваистских представлений о структуре мироздания и сочетает положения философии экзистенциализма, космизма, детерминизма, хаоса, страха, тяготеет к эстетике декаданса, отчаяния. Идеи суммированы Лавкрафтом в образы Внешних и Древних богов, подобно камере отражающие сущность человека, человечества, человечности, бытия. Говоря о выражении идей хтонического космизма через хронотоп, мы говорим об идеях цикличности бытия, преобладания хаоса над порядком, его роли альфа-омеги, незначительности человеческой жизни и безразличия Вселенной.

Игры серии Dark Souls дают модель хронотопа, где время по мере смены эпох течет не по прямой, от точки А к точке В, и не по кругу, от точки А к точке А, но по спирали, от точки А к точке В2 через точку А2. Цикличность мира Dark Souls отличается от классической индуистской, поскольку смена эпох происходит как бы в одном пространстве, и новая версия мира рождается без уничтожения предыдущей. Сама ткань хроноса здесь постепенно истончается, а с началом новой эпохи восстанавливается, хотя и остается достаточно зыбкой.

Здесь мы вводим понятие **спиралеобразной модели художественного времени**, которое позволит описать весьма нестандартный хронос Dark Souls. Спиралеобразная модель представляет собой реинтерпретацию классической схемы организации хронотопа и схемы развития художественного мира во времени. Цикличное, частично совпадающее время уподоблено нескольким спиралям, наслаивающимся друг на друга, соприкасающимся в разных местах и проходящим через одни и те же повороты, но по-разному. Такая модель художественного времени является не строго замкнутой и не открытой, открытой частично, не закрывающейся на самой себе и не конечной, не следуя ни одной из известных схем движения хроноса.

Здесь вводим понятие **спиралеобразной модели художественного времени**, которое позволит описать весьма нестандартный хронос Dark Souls. Спиралеобразная модель представляет собой некое переосмысление и реинтерпретацию классической схемы организации хронотопа произведения и схемы развития художественного мира во времени. Цикличное, частично совпадающее время уподоблено нескольким спиралям, наслаивающимся друг на друга и переплетающимся, соприкасающимся в разных местах и проходящим через одни и те же повороты, но в силу определенных смещений – по-разному. Такая модель художественного времени не совпадает ни с одной из известных.

Реализация подобной модели в произведении представляется одним из способов выражения идей хтонического космизма. Генезис данного явления связан с переосмыслением идей индуизма и шиваизма с включением их в европейскую философскую парадигму. Специфика лавкрафтианской философии заключается в способе ее реализации.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986.
2. Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
3. Райхенбах Х. Философия пространства и времени. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

ПОЭТИКА СКАЗОК Н.П. ВАГНЕРА (ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

POETICS OF N.P. WAGNER'S FAIRYTALES (LITERATURE AND METHODOLOGICAL ASPECTS)

К.Н. Мурзина

K.N. Murzina

Научный руководитель: Н.В. Уминова
Scientific adviser: N.V. Uminova

Сказка, философская сказка, поэтика, школьное образование, методика обучения литературе.

В статье представлена специфика сказок Н.П. Вагнера, а также рассмотрены методические возможности обращения к ним в школе.

Fairy tale, philosophical tale, poetics, school education, methods of teaching literature.

The article presents the specifics of N.P. Wagner's fairytales and considering of the methodological possibilities of their application in school.

Николай Петрович Вагнер – писатель-сказочник XIX века, биолог, профессор Санкт-Петербургского университета. Литературную известность Вагнеру принес сборник «Сказки Кота Мурлыки» [2].

Сказки Вагнера получили неоднозначную оценку со стороны критиков и педагогов, что было обусловлено спецификой текстов. Отличительные черты сказок Вагнера – своеобразный мистицизм в сочетании с символизмом и суровым реализмом. Частые темы – горе и страдания, их неизбежность в жизни. Выходом из вечной борьбы добра и зла для автора является мистицизм и иногда – смерть.

С течением времени в литературоведческих и педагогических работах наблюдается постепенное обращение к сказкам Вагнера с целью выявления их специфики, понимания возможностей включения их в круг подросткового чтения. Сказкам Вагнера посвящены работы М.М. Бахтина [1], С.А. Головенченко [3] и др. Потенциал сказок Вагнера в значительной степени открыт для учащихся начальной школы (многие учителя-практики обращаются к сказке «Береза» на уроках литературного чтения в 3-4 классах), однако не накоплен опыт изучения сказок Вагнера в средних классах, где, на наш взгляд, уместней обсуждать произведения (с учетом адресации текстов именно данному возрасту). Обозначим особенности поэтики сказок Н.П. Вагнера, которые следует учитывать в процессе обращения к ним в школьной практике.

Николая Вагнера называли русским Андерсеном. Действительно, определенные точки соприкосновения очевидны. Наблюдаются прямые сюжетные аналогии: «Девочка со спичками» Г.Х. Андерсена – «Фанни» Н.П. Вагнера, «Штопальная игла» / «Воротничок» Г.Х. Андерсена и др. Кроме того, сказки Андерсена

и Вагнера объединяет нередкий печальный финал, отсутствие всеобщего счастья, смерть героев. Данная особенность открывает широкие возможности для научно-исследовательской деятельности учащихся средних классов. Обозначим возможные темы: «Христианские мотивы в сказках Н. Вагнера и Г.Х. Андерсена»; «Тема детских страданий в сказках Н.П. Вагнера и Г.Х. Андерсена»; «Образ дерева в сказке Андерсена «Ель» и в сказке Вагнера «Береза».

Сказки в сборнике «Сказки Кота Мурлыки», как очевидно из их названий, весьма различны, однако во всех Н.П. Вагнер стремится вызывать у читателя добрые, светлые чувства увлекательной и красивой историей, примером героев и их поступков. Явный воспитательный потенциал содержит сказка «Папа-пряник», к которой мы рекомендуем обратиться на уроке внеклассного чтения в 5 классе. Сказка открывает возможности для разговора со школьниками о том, что есть настоящее доброе дело.

Часто концовки сказок Николая Петровича Вагнера способны вызвать смешанные чувства и некое ощущение незавершенности, недосказанности, как бы подталкивая читателя к размышлениям, то есть содержат открытый финал. Зачастую вопросы и проблемы, анализируемые автором посредством волшебных историй, получая некоторый ответ в рамках сюжета, на деле остаются неразрешимыми либо же в высшей степени субъективными по причине философичности своей природы. В 7-8 классах, на наш взгляд, учащимся будут интересны такие философские сказки Вагнера, как «Великое», «Счастье», «Старый горшок», «Фанни». Содержательными аспектами для обсуждения могут стать такие философские и нравственные вопросы: поиск человеком своего пути, истины, что такое счастье, разное понимание людьми смысла жизни, а также чувство сострадания.

Произведения Н.П. Вагнера, основанные во многом не только на фольклорном материале, но также на литературных сказках отечественных и зарубежных писателей, таких как А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, Э.Т.А. Гофман и в особенности – Г.Х. Андерсен, впитали в себя многие элементы разнообразных течений, направлений в литературе и философии. Эти сказки, предназначенные преимущественно не для маленького читателя, нередко поднимающие тяжелые, неразрешимые философские вопросы, порою мрачные, а порою крайне утонченные и прекрасные, представляют собой сложные, многоуровневые, продуманные структуры, выстроенные человеком с особым видением мира. Именно эти особенности сказок Николая Петровича Вагнера позволяют им войти в историю отечественной литературы, а также открывают возможности обращения к ним в школьной практике литературного образования.

Библиографический список

1. Бахтин Н. Кот-мурлыка // Педагогическая мысль. 1923. №1. С. 37.
2. Вагнер Н.П. Сказки Кота-Мурлыки. М.: Паллада, 1992.
3. Головенченко С.А. Андерсеновское в сказках Н.П. Вагнера // Мировая словесность для детей и о детях. М., 2004.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ИНТЕРНЕТСЕТИ

CROSS-CULTURAL COMMUNIKATION ON THE INTERNEN

Намудэлэ

Namudele

Научный руководитель: И.В. Ревенко

Scientific adviser: I.V. Revenko

Интернет, межкультурная коммуникация, вербальные и невербальные средства коммуникации.

В статье рассматриваются возможности Интернета для межкультурной коммуникации. Автор выделяет ряд положительных моментов интернет-общения, которые делают его весьма привлекательным для пользователей.

Internet, cross-cultural communication, verbal and non-verbal means of communication.

The article discusses the possibilities of the Internet for cross-cultural communication. The author highlights a number of positive aspects of Internet communication, which make it very attractive for users.

Современный этап развития мира отличается стремлением к глобализации. Современные технологии позволяют не только активно путешествовать и познавать культуру, историю и достопримечательности разных стран, но и общаться виртуально с человеком, живущим в любой точке мира. «Интернет создает многокультурную среду общения, он калькирует «мозаичность» современной культуры» [Новикова 2011: 89].

Развитие коммуникационных технологий стимулировало возникновение особой сферы Интернет общения. Коммуникация в Интернете «отличается коммуникативным многообразием, полифункциональностью, динамизмом и по степени своего влияния на другие сферы общения в настоящее время, пожалуй, не имеет себе равных» [Колокольцева 2011: 14]. Часто такого рода коммуникация сталкивает представителей разных культур, национальностей, конфессий в едином информационном пространстве и создает основу для межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация – это такой вид общения, который подразумевает взаимный процесс узнавания, проникновения, влияния различных культур и их носителей. Интернет дает возможность общения с использованием самых разных средств: текстовых и голосовых сообщений, визуальной и аудио информации. Теперь стало как никогда легко связаться за доли секунд с другими континентами, народами и представителями практических любых языковых культур.

Успешность межкультурной коммуникации зависит от коммуникативных навыков участников общения, от того каким языком они пользуются. Общение между представителями разных культур может происходить с использованием языка-посредника (чаще всего английского). По мнению М.А. Алексеевой языковой барьер является одним из самых главных препятствий в межкультурной

коммуникации [Алексеева], однако современные технические возможности Интернета позволяют преодолевать языковой барьер: многие сайты имеют версии на нескольких языках, что дает пользователям возможность получать информацию о других странах на своем родном языке.

Важной частью интернет-коммуникации являются невербальные средства. «Традиционные графические знаки и символы, а также иные невербальные средства общения отвечают за передачу эмоциональной составляющей коммуникации, с их помощью осуществляется воздействие на получателя сообщения, участника чата, читателя форума или новостной ленты в социальных сетях» [Смагина].

К числу таких эмоционально маркированных графических элементов являются эмодзи или «смайлики». «Смайлики» (от англ. smile – улыбка) – это значки, составленные из знаков препинания, букв и цифр и других клавиатурных символов обозначающие какие-либо эмоции. [Пигина]. Есть версии происхождения смайликов. По одной из них, смайлики возникли в Древнем Китае: монахи оставляли их на скалах и на бамбуковой бумаге для фиксации списка жителей данной провинции. Согласно другой современной версии авторство создания этих графических элементов приписывают В.В. Набокову, который в 1969 г. в интервью газете «The New York Times» высказал мысль, что «надо придумать какой-нибудь типографический знак, обозначающий улыбку, – какую-нибудь закорючку или упавшую навзничь скобку». Существуют и другие версии появления «смайликов», и до сих пор продолжаются споры по поводу того, кто был их родоначальником.

Смайлики уже настолько прочно вошли в интернет-коммуникацию, что приобрели функцию сигнала, который способствует формированию положительного отношения адресата к адресанту и, как следствие, успешной коммуникации. Еще одним преимуществом смайликов является их интернациональный характер – как маркеры определенных эмоций они понятны носителям разных культур и языков. Однако не следует забывать, что они лишь дополняют, эмоционально окрашивают основное сообщение, хотя все чаще отмечается их использование как эквивалента целого предложения: ☹ = Мне очень жаль!

Наряду с такими положительными чертами, как «дистантность, опосредованность, мультимедийность (и как следствие – поликодовость сообщений), гипертекстуальность, разнообразие дискурсивных и жанровых воплощений, а также возможность широкого варьирования по параметрам «персональность / институциональность» [Колокольцева] исследователи отмечают и негативные стороны коммуникации в интернете. На просторах интернета существуют большое количество сайтов экстремистского, террористического характера, при помощи которых различные организации осуществляют пропаганду своей идеологии. Также пользователи отмечают, что в сети Интернет довольно часто можно столкнуться с денежным мошенничеством.

Указанные негативные моменты существования Интернета не снижают интереса к нему, потому что он позволяет пользователям значительно расширить свои коммуникативные возможности.

Библиографический список

1. Алексеева М.А. Социальные сети как фактор развития межкультурной коммуникации // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/7049> (дата обращения: 19.04.2021).
2. Колокольцева Т.Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка // Грани познания. 2011. №4(14). С.13-17.
3. Новикова Л.А. О некоторых лингвокультурологических особенностях межкультурной Интернет-коммуникации // Вестник Омского юридического института. 2011. № 2 (15). С. 88-90.
4. Пигина Е.С. Смайлик как элемент эмоционального воздействия в организации общения в социальной сети Интернет [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2013_11-2_38.pdf (дата обращения: 15.04.2021).
5. Смагина Е.С. Невербальные способы ответственности в интернет- коммуникации // Метеор-сити. 2017. №2. С.1-5.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЧТЕНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЖАНРЕ «ХОРРОР»

MASTERING THE READING BY SCHOOLCHILDREN OF WORKS IN THE GENRE OF HORROR

А.Н. Панченко

A.N. Panchenko

Научный руководитель: Н.В. Лебедева
Scientific adviser: N.V. Lebedeva

Хоррор, антиэстетический сюжет, урочная методика обучения, читательский клуб, искусство.

Статья посвящена определению места жанра «хоррор» в культурном контексте и читательской сфере обучающихся. В материале рассматривается специфика «хоррора» как литературного жанра, подходы в работе с ним. На основании полученных данных были обозначены методические рекомендации освоения данного жанра в рамках урочной и внеурочной деятельности.

Horror, anti- aesthetic plot, regular teaching methods, readers club, art.

The article is devoted to determining the place of the horror genre in the cultural context and the reading sphere of students. The article deals with the specifics of horror as a literary genre, approaches to working with it. Based on the data obtained, recommendations for mastering this genre in the framework of school work and extracurricular work.

Ужас является своеобразной метафорой опасений общественного сознания. Различные тенденции в обществе на всех исторических этапах развития находят свое отражение в искусстве: художественном, цирковом, музыкальном, театральном. Как правило, это связано с ментальным состоянием человека на данном этапе. [Рева, Цергой, 2018, с. 216]. Так, в 1879 году Оскар Метель создал «театр ужасов» Гран- Гиньоль, который стал своеобразным откликом на явление натурализма. Особенностью постановок стало пристальное внимание к антиэстетическим сюжетам, использование соответствующих атрибутов, участие реальных изувеченных актеров [Кузовчикова, 2015, с. 32].

«Хоррор» является жанром массовой литературы, поэтому ни в одной из школьных программ изучение подобных произведений не предусмотрено. Тем не менее, многие исследования подтверждают интерес школьников к данному жанру. Поэтому важно выработать методику, позволяющую организовать работу, направленную на формирование культуры прочтения «хоррора». [Кутейникова, 2017, с. 5].

Элементы данного жанра в классической школьной программе позволяют организовать урочное направление работы. Например, в программе под редакцией В.Я. Коровиной в 6 классе изучается произведение И. С. Тургенева «Бежин луг». Для внимания на составляющую ужаса, необходимо обратиться к эпизоду, где ребята рассказывают друг- другу страшные истории. Для этого,

на этапе анализа обучающимся предлагается создать свою страшную историю. С этой целью, обучающиеся используют в качестве центрального образа такие предметы, как цветок, карандаш, доска и т. д. Обучающиеся в парах создают небольшие страшные истории. По истечении времени зачитывается несколько работ и происходит обсуждение, в ходе которого обучающиеся делают микро-вывод о том, что таким образом люди пытаются увидеть необычное в повседневном, придавая ему нестандартные формы.

Целесообразно организовать внешкольную работу со школьниками, интересующимися жанром «хоррор». Уместно создание читательского клуба на базе библиотеки. Работа клуба базируется на двух возрастных группах: 12-15, 16-18. Предлагаются следующие формы работы: рекомендательно-информационные (презентация издания, создание буктрейлеров, сторисек); критико-аналитические: беседа, дискуссионные качели, вечер-импровизация); игровые (викторина, сюжетно-ролевая игра, квест, ток-шоу, аукцион знаний); развлекательные (библиотечные сумерки, фотокросс, книжное дефиле).

Особое внимание уделим организации одной из разновидностей развлекательной формы работы в старшей возрастной группе. Так, после определенной системы работы с произведениями С. Кинга, предлагается организация литературного квеста «Нужные вещи вселенной Стивена Кинга». Целью квеста является обобщение и систематизация знаний о творчестве С. Кинга. Предполагается командная форма работы, в процессе которой участники проходят пять этапов, выполняя определенные задания. В финале квеста обе команды собираются вместе, структурируют ключевые фразы из набора полученных подсказок и происходит совместное обсуждение.

Таким образом, «ужасное» является неотъемлемой составляющей жизни человечества во все исторические периоды. Многочисленные исследования читательских предпочтений школьников указывают на имеющийся интерес к жанру «хоррор». Поэтому следует организовывать работу с читателями, направленную на формирование культуры восприятия подобной литературы.

Библиографический список

1. Кузовчикова Т. И. Гран-Гиньоль, или Страх и отчаяние Бель эпок// Театрон, Спб, №1, 2015. С. 30-38
2. Кутейникова Н. Е. Навигатор по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе: методические рекомендации/ Н. Е. Кутейникова. М.: МАЭСТРО Платинум, 2017. 158 с.
3. Рева Г. А., Цергой Т. А. Эстетизация безобразного в искусстве. Вестник АГУ. Выпуск 1, 2018. С. 213-219.

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕНОМЕНА ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА В ФИКЦИОНАЛЬНОЙ ПРОЗЕ А.Д. СИНЯВСКОГО (А. ТЕРЦА)

THE REPRESENTATIONS OF THE PHENOMENON OF LIFE-CREATING IN THE FICTIONAL PROSE A.D. SINYAVSKY (A. TERZ)

Ю.А. Пинчук

Yu.A. Pinchuk

Научный руководитель: А.Ю. Горбенко
Scientific adviser: A.Yu. Gorbenko

А.Д. Синявский, Абрам Терц, жизньтворчество, модели жизньтворчества, театрализация, художественная проза, утопия.

В статье рассматривается один из аспектов жизньтворчества писателя А.Д. Синявского. Анализируются модели жизньтворчества в фикциональной прозе Синявского. Герои его произведений воображают себя «другими» («Пхенц», «Графоманы», «Гололедица»), и пытаются изменить сознание окружающих («Любимов», «Суд идет»).

A. Sinyavsky, Abram Terz, life-creating, models of life-creating, dramatization, fictional prose, utopia.

The article deals with of one of the aspect life-creating writer A.D. Sinyavsky. For the article analyzes the models of life-creating in fictional prose of Sinyavsky. Characters of his of the books imagine them-selves being Others (Phents, The Graphomaniacs, The freezing rain) and trying to change the mind of others (Lyubimov, The court).

Феномен жизньтворчества в настоящее время находится в фокусе пристального внимания исследователей. Шамма Шахадат систематизирует виды жизньтворческого поведения в русской культуре и выделяет три парадигмы жизньтворчества. Парадигма театрального типа предполагает модель преобразования жизни в эстетическом плане. «Поставщиками» образцов для реализации их в человеческой жизни здесь являются театр и игра, предусматривающие определенную дистанцию между личностью и исполняемой ею ролью, а также рассматривающие жизнь как искусство. Аутентичная и теургическая модели отвергают ролевую игру. Аутентичная форма жизньтворчества стремится уничтожить дистанцию между личностью и ролью и добиться их отождествления. Внутри теургической парадигмы осуществляется ориентация на ритуал (преобразование мира) [Шахадат 2017: 43–62]. Мы постараемся рассмотреть реализацию этих форм жизньтворчества в фикциональных произведениях А.Д. Синявского, опираясь на предложенную Ш. Шахадат типологию.

В рассказе «Пхенц» (1957) проявляется театральная модель жизньтворчества. Андрей Казимирович Сушинский, инвалид, скромный счетовод, поначалу кажется обычным человеком. Но уже с первых страниц рассказа читатель замечает странности в его поведении. Вскоре выясняется, что Андрей Казимирович – инопланетянин, который в течение тридцати лет играл роль заурядного

человека, был вынужден «следовать общей моде» и надевать маски. М.Н. Липовецкий описывает творческий метод Синявского, примененный в этом рассказе, как «отказ от монологизма – повествование от лица “другого” и вообще тематизация “другости” как важнейшей эстетической и социальной ценности» [Липовецкий 2019: 304]. Как хорошо известно, в своем последнем слове на суде Синявский произнес слова Пхенца: «Подумаешь, если я просто другой, так уж сразу ругаться...» [Синявский 1989: 479]. Этот факт использования конкретным автором слов созданного им персонажа в принципиально важной для него, автора, биографической ситуации, проблематизирует дистанцию между конкретным автором¹ и литературным героем.

В рассказе «Графоманы» (1960) бездарный и непризнанный писатель Павел Иванович Страустин на первых страницах выглядит комическим персонажем. Но по мере развития истории его графомания вырастает в наиболее чистое воплощение творческой энергии, которая, по мнению другого графомана – Галкина, состоит в самоустранении личности. Такое восприятие творческой энергии размывает границу между «своим» и «чужим». Сказка, написанная сыном Страустина, напоминает первое сочинение шестилетнего Синявского, а финал рассказа совпадает с названием и подзаголовком рассказа, написанного под псевдонимом «Терц». Исходя из этого, мы не можем понять, существует ли граница между конкретным автором Синявским и Страустиным – автором, существующим только в диегезисе.

В повести «Суд идет» (1960) школьник Сережа попадает под суд за мысли о создании утопического общества, «революционной организации», противоречащей общему мировоззрению. По словам Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого, «<...> его утопические мечты ничем не отличаются от самых зловещих кошмаров тоталитаризма: в них нет ничего “своего”, все “чужое”» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 365]. Здесь отчетливо прослеживается та грань, дистанция, которые, по мнению Ш. Шахадат, характерны для театральной парадигмы.

В «Гололедице» (1961) герой обретает способность видеть будущее и прошлое людей, и приходит к разгадке тайны своего существования, согласно которой, его жизнь – это события, произошедшие с другими людьми. По мнению Лейдермана и Липовецкого, здесь отсутствует дистанция между «своим» и «чужим» и создается ситуация метафизической «гололедицы» [там же: 366]. Как уже говорилось, стремление уничтожить дистанцию присуще аутентичной модели жизнотворчества. Как нам кажется, из этого следует, что в «Гололедице» происходит слияние двух парадигм – театральной и аутентичной.

В повести «Любимов» (1962–1963) бывший механик Леня Тихомиров делает попытки воспроизвести большевистские идеи, но преобразовать мир ему не удастся, так как он теряет самообладание, а затем и свой дар управлять жителями Любимова. Здесь реализуются театральная и теургическая парадигмы, поскольку сохраняется дистанция и осуществляется ориентация на ритуал.

¹ Мы используем терминологию В. Шмида. См.: [Шмид 2008: 46].

Таким образом, в своих произведениях Синявский в разнообразных вариациях поднимает проблему Другого. В его текстах создается постоянно изменяющаяся дистанция между автором и повествователем, делая это напряжение между двумя инстанциями структуро- и смыслообразующим. Каждого из героев обсуждавшихся выше произведений можно назвать художником, который создает вторую, утопическую реальность и с разной степенью успешности пытается внести ее в мир реальности первого порядка.

Библиографический список

1. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. «Фантастический реализм» Абрама Терца и Николая Аржака // Современная русская литература 1950-е – 1990-е годы. Пособие для студ. высш. учеб. заведений в 2-х т. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 1. С. 359–375.
2. Липовецкий М.Н. Два трикстера: Абрам Терц vs Д.А.П. // Энергия кризиса. Сборник в честь Игоря Павловича Смирнова: Сборник статей / Под ред. И.А. Калинина, К. Ичин. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 289–322.
3. [Синявский А.Д.] Последнее слово на суде Андрея Синявского // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля: Сборник статей / Под ред. Л.С. Ереминой. М.: Книга, 1989. С. 474–479.
4. Шахадат Ш. Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков / Пер. с нем. А.И. Жеребина. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 440 с.
5. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.

ИСТОКИ ПОВЕСТИ «ДЕТИ ХУРИНА» ДЖ. Р.Р. ТОЛКИНА

THE ORIGINS OF THE STORY «THE CHILDREN OF HURIN» BY J. R.R. TOLKIEN

А.Д. Попова

A.D. Popova

Научный руководитель: О.А. Шереметьева
Scientific adviser: O. A. Sheremetyeva

Turin, Tolkien, Дети Хурина, истоки, Сигурд, Куллерво.

В статье рассмотрены источники повести Дж. Р.Р. Толкина «Дети Хурина», проведены основные параллели образа Турина с героями предшествующей литературы, ставшими его прототипами.

Turin, Tolkien, The Children of Hurin, the origins, Sigurd, Kullervo.

The article examines the sources of J. R. R. Tolkien's novel "The Children of Hurin", and draws the main parallels of the image of Turin with the heroes of previous literature who became its prototypes.

Повесть «Дети Хурина» публикуется в 2007 году под именем Дж. Толкина. Это реконструкция текста писателя его сыном Кристофером Толкином, который создал произведение на основе сказания, изложенного в Дж. Толкином в «Сильмариллионе».

Произведение еще мало исследовано в отечественном литературоведении, поэтому вызывает особый интерес.

Источниками вдохновения для Джона Толкина при создании предания о Турине послужили герои античного мифа, финского и древнегерманского эпосов. Писатель признавался в письмах: «Турин – это фигура, в которую те, кто любит такого рода сближения, хотя и бесполезные, могли бы увидеть черты Сигурда Вэльсунга и Эдипа, Куллерво» (письмо 131, Letters, с. 150) [3].

С финским эпосом «Калевала» «Сказание о Турамбаре» связано теснее всего. О.Н. Валовень, отмечает, что сюжеты похожи как в описании отдельных событий, так и в их последовательности. Есть текстуальные совпадения. Это объясняется тем, что Толкин читал «Калевалу» в оригинале. Автора очень привлекал образ «проклятого» героя, да и сам Дж. Толкин отмечал, что целенаправленно выстраивал историю Турамбара по мотивам сказаний о Куллерво [1].

С образом Куллерво Турина сближает не только «проклятие», но и мотив «одиначества»: оба персонажа становятся сиротами. Также они дают клятву отомстить за свой род. Оба героя женятся на собственной сестре, погибают, бросаясь на собственный меч от горя, а их сестры кончают жизнь самоубийством.

Во многом Турин похож и на древнегерманского эпического героя Сигурда. Имена двух героев означают одно и то же – «Победитель Судьбы». Они – драконо-

борцы. Герой Толкиена, как Сигурд, идет убивать дракона не один, а с помощником. В произведениях похожи в описании и убийства драконов. Сигурд ранит Фафнира, когда тот проползает над ямой, а Турин убивает Глаурунга, когда дракон пролетает над рекой. Это не случайно, так как по древним представлениям сказителей слабое место дракона – брюхо, только ударив в него, можно поразить фантастическое чудовище. Оба героя после победы над драконом оказываются заражены ядом чудовища. После смерти на могиле Турина написано «Погибель Глаурунга», а прозвище Сигурда гласит «Погибель Фафнира».

С образом Сигурда связан ещё один мотив – мотив «проклятия». Так, Сигурда прокликает убитый им дракон. Турин проклят не Глаурунгом, а Мелькором, который в мифологии Дж. Р.Р. Толкина является своеобразным Властелином Тьмы, как Сатана, но дракон является причиной трагической судьбы героя. Он лишает памяти его сестру, отчего герои не узнают друг друга при встрече, и Турин женится на собственной сестре Ниэнор.

Еще один источник – миф о греческом царе Эдипе. В судьбе Турина мы можем увидеть аллюзию, связанную с именем Эдипа, что дословно означает «с опухшими ногами». В повести Толкина неоднократно говорится, что чары и проклятия Мелькора, наложенные на Турина, «оплетали его шаги». Так же в произведении можно увидеть параллель с судьбой Эдипа, который ослепил себя, узнав, что он женат на собственной матери. Ниэнор и Турин, освободившись от «чар слепого забвения» и «слепоты и сновидений», тоже узнают, что они родственники и лишают себя жизни. С античной трагедией историю Турина еще связывает мотив «неотвратимости рока». Эдипу было дано предсказание, как и Турину. Оба героя не смогли его избежать [4].

Таким образом, источниками повести Дж. Р.Р. Толкина «Дети Хурина» являются греческий миф, древнегерманский и финский эпосы. Они помогли автору не только в создании образа главного героя, но и в формировании событийного ряда, а так же нравственной проблематики произведения.

Библиографический список

1. Валовень О.Н. Художественные особенности образа Турина Турамбара в произведении Джона Рональда Руэла Толкина «Дети Хурина» (2007) // Весник БДУ. Серия 4, 2015. №1. [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24191358>
2. Дети Хурина: Нарн и Хин Хурин: Повесть о детях Хурина / Джон Рональд Руэл Толкин; под ред. К. Толкина; пер. с англ. С. Лихачевой. Москва: АСТ, 2015. 313 с.
3. Джон Р. Р. Толкин. Письма (Толкин Джон Р. Р., Карпентер Хамфри). [Электронный ресурс] URL: <http://bookre.org/reader?file=417022> HYPERLINK «<http://bookre.org/reader?file=417022&pg=1>»&HYPERLINK«<http://bookre.org/reader?file=417022&pg=1>»pg=1
4. Таскаева С. История Турина: попытка реконструкции истории замысла. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/anariel2.shtml>

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ЮРОДИВЫХ В РОМАНЕ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

THE FEATURES OF THE LANGUAGE OF THE HOLY FOOLS IN THE NOVEL 'LAVR' BY E.G. VODOLAZKIN

А.В. Пронин

A.V. Pronin

Научный руководитель: **Е. Г. Шестернина**
Scientific adviser: **E.G. Shesternina**

Юродство, вербальный и невербальный языки, пророчество, провокация, «Лавр» Е.Г. Водолазкин.

В данной статье представлено исследование языка юродивых в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». Показаны особенности языка и его функции на вербальном и невербальном уровнях.

Holy foolishness, verbal and non-verbal languages, prophecy, 'Lavr' by E.G. Vodolazkin.

This article presents a study of the language of the holy fools in the novel 'Lavr' by E.G. Vodolazkin. Its features and functions are shown at the verbal and non-verbal levels.

Образ юродивого занимает одно из центральных мест в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». Целями юродства являются обличение внешних ценностей, сокрытие собственных добродетелей и навлечение на себя поношений и оскорблений. Эта группа людей имеет свой особенный лексикон, который выделяется в коммуникационном пространстве романа.

Академик А.М. Панченко в своей статье «Юродивые на Руси» писал, что идеальный язык юродивого – это молчание [Панченко 1999: 392–407]. Молчание юродивого – это своеобразная «автокоммуникация», речь-молитва, обращенная к себе и к богу. Она имеет прямое отношение к пассивной стороне юродства: к самопознанию и самосовершенствованию [Лотман 1973: 227–243].

В отличие от тихой проповеди священника, юродивый чаще всего воздействует на адресата не словами, а поступками, которые повергают в недоумение и шок. Образ юродивого здесь выполняет изначально маскирующую функцию в отношении духовного уровня подвижника, постепенно переходя к функции призыва, обращая мирянина к глубинам духовности [Шутов 2015: 16].

Юродивый может провоцировать толпу, плюясь и швыряя в нее камни и грязь. Этот эксцентричный поступок – театральный жест юродивого. Он является кинетической фразой достаточно распространённой среди юродивых. Так, в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» «юродивый Устин забрасывает комьями грязи некоторых почтенных жителей Запсковья. За их спинами он безошибочно различает крупных и мелких бесов». В этом эпизоде показана амбивалентность юродства. Юродивый ведет себя вызывающе, но в то же время преследует дидактические цели.

Другой, не менее эксцентричный, случай произошёл с калачником Прохором, который вышел утром на торговую площадь. Юродивый Устин рассыпал его калачи на землю и *«стал разламывать их на мелкие куски, пинать ногами и втаптывать в пыль»*. Мотивировка данного поступка – это не сумасшествие юродивого, а его пророческий дар. Юродивый Фома в защиту своего собрата Устина объясняет народу, что *«ночью сей фрукт [калачник] совокуплялся с женой. Потом, не омывшись, месил тесто и лепил свои калачи. Утром хотел продавать нечистый продукт православным и, если бы не брат наш Устин, как пить дать продал бы»*. Юродивый Устин, являясь человеком божьим, не мог поступить по-другому, так как основная задача юродства – это обличать и предострашать человеческие пороки.

Предвосхищение юродивых может иметь и более масштабный характер. Юродивый Устин, принимая посадника Гавриила у себя в гостях, выливает предложенное ему вино на землю (к северо-востоку). Этот юродский жест обычный человек воспринимает как отказ от угощения и нежелание принимать дружбу. Однако настоящее намерение юродивого Устина было предупредить о страшной беде и помочь её исправить. Юродивый Фома даёт толкование данного жеста: *«Да ты, человек, <...> попросту не в курсе того, что в Великом Новгороде днесь пожар, и раб Божий Устин стремится залить его подручными средствами»*. Юродивые постоянно кодируют свою речь, в основе их жестов лежат парадокс и загадка.

Самой характерной репрезентативной чертой коммуникативно-речевой тактики юродства, прежде всего в его русском православном бытовании, является прямое пророчество, обращение к народу.

Такое пророчество произнёс юродивый Фома перед своей смертью, обращаясь к провожающему его народу: *«А теперь пишите. Вас ждет великий мор, но вам поможет раб Божий Арсений, вернувшись из Иерусалима. А потом уйдет и Арсений, ибо ему понадобится покинуть град сей. Вот тогда-то вам придется проявить крепость духа и внутреннюю сосредоточенность. В конце концов, вы сами уже не дети»*. Данное пророчество юродивого является наставлением, как нужно жить людям в ближайшее время.

Благочестивые христиане к юродивым прислушивались. Они видели в них молитвенников и чудотворцев, они верили их словам и пророчествам. Говорящий косноязычно, «словесами мутными», не может говорить неправду, в отличие от выходца из высших слоев общества, обученного ремеслу красноречия. Русский народ нуждался в юродивых на протяжении всей своей истории как в обличителях людских пороков, как в заступниках перед правящими кругами.

Таким образом, язык юродивых является универсальным средством коммуникации. Юродивые могут общаться как с помощью невербального языка (жестов), так и с помощью вербального языка, который включает в себя, помимо пророчества, ещё множество элементов: смешение низкой и высокой лексики, выкрики, бормотания, обличение и т.д. Главная особенность языка юродивых выражается в том, что через эпатажное поведение юродивый действует на благо человеку.

Библиографический список

1. Панченко А.М. Юродивые на Руси // Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 392–407.
2. Шутов Р.В. Имидж юродивого: святая девиация // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2015. – № 3(3). С. 14–19.
3. Лотман Ю.М. О роли автокоммуникации в средневековой культуре см.: О двух моделях коммуникации в системе культуры. В кн.: Труды по знаковым системам, вып. VI. Тарту, 1973, с.227-243.

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОММЕНТАРИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»

ENGLISH BORROWINGS

IN THE COMMENTS OF THE SOCIAL NETWORK 'VKONTAKTE'

К.А. Романенко

K.A. Romanenko

Научный руководитель: Е.В. Осетрова

Scientific adviser: E. V. Osetrova

Интернет-сленг, молодёжь, заимствованные слова, англицизмы, социальная сеть «Вконтакте».

На материале текстов социальной сети («Вконтакте») проанализированы популярные англицизмы, вошедшие в состав российского молодежного сленга, а также определены их функции в языке-реципиенте – номинативная, экспрессивная, оценочная, эвфемистическая, социализирующая.

Internet slang, the youth, borrowed words, anglicisms, social network 'Vkontakte'.

Based on the texts of the social network ('Vkontakte'), the author analyzes the most popular Englishisms that have become part of Russian youth slang. As a result, the functions of anglicisms have been determined – nominative, expressive, evaluative, euphemistic, socializing.

Молодёжный сленг, ориентированный на динамику и перманентное изменение собственного языкового состава, положительно реагирует на внедрение в него заимствованных слов. Среди наиболее активных заимствований в российском молодежном сленге выделяются англицизмы, поэтому научным контекстом исследования стали труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные изучению неоднозначности термина «сленг» [1] и проблеме заимствования англоязычной лексики [2; 3].

Объект наблюдения в данном случае – 15 наиболее употребительных иноязычных слов, каждое из которых активно обращается в комментариях социальной сети «Вконтакте» (всего 225 контекстов): *чекать, форсить, абьюзить, хейтить; рофл; краш, токсик* и др.

Сравнение лексических значений представленных слов в английском и русском языках – с учетом данных толковых словарей английского языка – Urban Dictionary [4] и Cambridge Dictionary [5] – привело к выводу, что некоторые лексемы, освоенные русским языком, меняют своё значение либо приобретают дополнительный семантический оттенок. При этом источником заимствования данных англицизмов является не только английский литературный язык, но и английский сленг. С учетом данных обстоятельств все проанализированные лексемы по основанию «источник заимствования» распределены по двум группам.

Продемонстрируем изменения в семантике англицизмов (по сравнению со значениями их соответствий в языке-доноре) на двух показательных примерах.

Чекать (англ. *to check* – ‘проверить’) – часто употребляемая в текстах социальных сетей лексема. В первую очередь она используется в значении ‘проверить что-либо’ (*Прежде чем сказать это, я чекнул инфу*), иногда же является синонимом к словам *изучить*, *исследовать* (*Я всю ночь чекал эти статьи, теперь я прошаренный*). В русском сленге у данного англицизма развился ряд дополнительных значений – ‘смотреть’, ‘увидеть’ и даже ‘слушать’; ср.: *Я его сторизы чекал, он разговаривает нормально; Чекайте наш новый трек!*

Интересен в этом отношении и глагол *форсить* (англ. *to force* – ‘заставить’, ‘применить силу’). Однако в молодежном сленговом словоупотреблении его русское соответствие сужает значение и означает ‘продвигать какую-либо идею или мысль крайне навязчиво’ (*Да вы уже зафорсили этот мем, сколько можно?*). Как видно, с переходом в русский язык, данная лексема приобретает негативную оценочность.

Заемствование англицизмов в сленг всегда обусловлено определёнными целями. Каждое новое слово в современной молодежной речи выполняет ряд функций.

Анализ языковых контекстов показал, что заимствованная единица может называть новое явление, которое не имеет точного эквивалента в литературном языке. Примером могут служить *кибербуллинг* (‘интернет-травля’, ‘виртуальный террор’, ‘онлайн-агрессия’), ставшее популярным в связи с агрессивным развитием интернет-среды, а также *абьюз* (‘психологическое, физическое и другие виды насилия над близким человеком’), вошедшее в обращение с актуализацией темы домашнего насилия. Кроме того, англицизмы «экономно» заменяют собой целые словосочетания; ср.: *кринж* – «испанский» стыд; *токсик* – тот, кто получает удовольствие от того, что портит жизнь или настроение людям, проявляя к ним нетерпимость (вплоть до ненависти). Традиционно подобные лексемы в рамках молодежного сленга используются для интернационализации и стилистической демократизации языка.

Экспрессивность англоязычных заимствований используется в сленге для повышения эмоциональности высказывания. Ту же функцию выполняют русскоязычные аналоги, звучащие, однако, недостаточно «модно»; ср.: *криповый* – страшный, жуткий; *вкрашиться* – влюбиться; *флексить* – тусоваться; *стэнить* – фанатеть; *рофлить* – шутить; *вайб* – настроение.

Помимо этого, в проанализированной группе выделены единицы, которые используются как эвфемизмы; например: *Не нормально хейтить человека за тату, ок?* (ср. с русскоязычным синонимом *ненавидеть*).

Наконец, англицизмы могут выступать как доступный – и экономный – способ выражения оценки. Они содержат информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом положению дел, ситуации или к адресату сообщения; в частности: *Чел, ну ты, конечно, крип* в значении ‘ты человек, который вызывает у меня отвращение’.

В результате, в молодежном сленге англицизмы решают множество задач – номинативную, экспрессивную, оценочную, эвфемистическую, социализирующую, – подтверждая свою функциональность в рассмотренном пространстве общения.

Библиографический список

1. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. № 3. С. 32–41.
2. Дьяков А. И. Причины интенсивного заимствования англицизмов в современном русском языке // Язык и культура. 2003. С. 35–43.
3. Маковский М. М. Современный английский сленг: Онтология, структура, этимология. М.: URSS, 2009. 234 с.
4. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 01.02.2021).
5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 01.02.2021).

КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

COLORATION VOCABULARY IN THE NOVEL «A HERO OF OUR TIME» M.Y. LERMONTOVA

Г.М. Рулькова

G.M. Rulkova

Научный руководитель: В.Н. Замыслова
Scientific adviser: V.N. Zamyslova

Колоративная лексика, колоратив, семантика, изобразительные средства выразительности, пейзаж, портрет, идиостиль, цветообраз, методика контекстуального анализа.

Изучение колоративной лексики художественных текстов представляет собой важный источник информации, позволяющий глубоко разобраться в душевном состоянии героев, образно отразить окружающий мир с целью воздействия на эмоции и чувства читателя. Цель данной статьи – проанализировать особенности использования автором слов с семантикой чёрного, синего, жёлтого и розового цвета. В статье использованы методы лингвистического исследования: наблюдение, описание, компонентный анализ, метод сплошной выборки. В результате работы определены особенности функционирования цветообразов в романе и выявлено их значение в рассмотренном контексте.

Colorative vocabulary, colorative, semantics, pictorial means of expressiveness, landscape, portrait, idiostyle, color image, method of contextual analysis.

Abstract: the study of the colorative vocabulary of literary texts is an important source of information that allows you to deeply understand the state of mind of the characters, figuratively reflect the world around them in order to influence the emotions and feelings of the reader.

The purpose of this article is to analyze the features of the author's use of words with the semantics of black, blue, yellow and pink. The article uses the methods of linguistic research: observation, description, component analysis, continuous sampling method. As a result of the work, the features of the functioning of color images in the novel are determined and their meaning in the considered context is revealed.

Колоративная лексика – это группа слов, выражающая значение цвета. Под колоризмом мы понимаем языковую или речевую единицу, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветоименованием. Лексика, обозначающая цвет, как описательный элемент выступает в прямом значении, а также может иметь дополнительное образное значение [Ашурова 2013: 14].

Цветовосприятие и цветопонимание писателя являются одним из показателей его внутреннего духовного склада. Поэтому исследование употребляемых колоризмов позволяет лучше понять характер героев, мироощущение писателя и даже творческие замыслы его произведений.

Актуальность работы связана с тем, что на фоне усиления лингвистического внимания к лексике, имеющей семантику цветообозначения, цветовая картина мира в творчестве анализируемого писателя недостаточно исследована.

Рассмотрим примеры и функции колоративов в романе.

Цветонаименования чёрного цвета встречаются в тексте романа чаще всего (например, в главе «Бэла» одиннадцать раз). Автор с помощью пейзажа создает образ «изоляции от окружающего мира» и уединенности лирического героя, наблюдавшего за природой, такими эпитетами: «чёрное ущелье», «чёрные камни», «чёрная туча», которые сопутствуют описанию живописной картиной Койшаурской долины Кавказа. В создании портрета Бэлы используется чёрный цвет: «глаза чёрные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу», которые также сравнивались с углём, и «чёрные локоны». Образ девушки с помощью цветоименований раскрывается как печальной, одинокой героини, которая скучает по своему дому. Колоратив «чёрный» используется и при описании Печорина: «чёрные брови», которые, как сам автор отмечает, являются признаком «породы» в человеке, как «грива и хвост у белой лошади». Печаль и страдания Веры передает ее «чёрная шаль», а «чёрная родинка» является отличительной особенностью, которая помогает Печорину быстро вспомнить её образ. В главе «Фаталист» снова появляются «чёрные глаза», символизирующие пронизательность и скрытность поручика Вулича.

Жёлтый цвет присутствует при описании долины Кавказа: «жёлтые обрывы», которые видит Печорин, тонко чувствующий природу и внимательный к ней. М.Ю. Лермонтов использует колоризмы с семантикой жёлтого цвета для описания болезненности героев: у Вернера «светло-жёлтые перчатки», надетые на худощавые, жилистые руки, Печорин «был жёлт», т. е. недомогал; вялости и злости драгунского капитана: «он пожелтел, посинел».

Колоративная лексика с семантикой синего цвета используется для передачи атмосферы покоя, которые чувствовал главный герой, наблюдая за природой: «тёмно-синие вершины», «тёмно-синяя гора», задумчивое, меланхоличное настроение Печорина, смотрящего на «синие зубцы Кавказа», «синюю стену горы». Интересно, как в главе «Княжна Мэри» тёмно-синий теряет свою глубину и сменяется на «спокойный» синий цвет, пропадает ощущение таинственности.

Следует отметить, что розовый цвет в описании внешности героев символизирует невинность, наивность и юность: «розовое личико» Мэри. Это цвет красоты и нежности: «свежие и розовые эндимионы», можно соотнести с греческим юношей Эндимионом, знаменитым своей красотой.

Цветообозначения используется для передачи различной палитры эмоций. Многоцветье создает впечатление яркости, один цвет не является более значимым, чем другой. Колоративы помогают проанализировать чувства героев, их настроение и внутреннее состояние.

С помощью цвета читатель погружается в красочную, яркую атмосферу произведения. Используя изобразительные средства эпитеты, метафоры при создании пейзажа и портрета, М.Ю. Лермонтов с необычайной красочностью описывает окружающую действительность.

Очевидно, цвет в произведении играет не только символическое значение, но и действительную, реальную характеристику чего-либо. В произведении отразилось цветное богатство реального мира, воспета неповторимая красота морских, горных и степных пейзажей долины Кавказа.

Таким образом, изучение колоративной лексики формирует цветовой контекст романа и способствует более детальному анализу произведения.

Библиографический список

1. Ашурова Т.М. Колоративная лексика и роль цветообозначения в современном русском языке // Вестник института языков. 2013. № 3 [Электронный ресурс].URL:<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21133057>& (дата обращения: 19.01.2021).
2. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. М.: Советская Россия, 1981. 222 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ВЕДУЩИХ ЛАВКРАФТИАНСКИХ МОТИВОВ В РАССЕЯННОМ НАРРАТИВЕ «BLOODBORNE»

REALIZATION OF MAIN LOVECRAFTIAN MOTIVES IN SCATTERED NARRATIVE OF “BLOODBORNE” GAME

Р.В. Морозов, А.И. Рыхва

R.V. Morozov, A.I. Rykhva

Научный руководитель: С.Г Липнягова
Scientific adviser: S.G. Lipnjagova

Рассеянный нарратив, лавкрафтианская проза, Лавкрафт, мотив, интертекстуальность.
В статье рассматривается нелитературная реализация основных мотивов прозы Г.Ф. Лавкрафта в рассеянном нарративе «Bloodborne».

Scattered narrative, Lovecraftian prose, Lovecraft, motive, intertextuality.
The article presents analyze of the non-literary implementation of the main motives of H.P. Lovecraft in scattered narrative of “Bloodborne” game.

Говард Филлипс Лавкрафт – величайший мифотворец 20 века. По степени влияния на современную культуру с ним не может сравниться почти никто из писателей за последние 200 лет. Собиратель мифов и древних загадок, отец богов, сегодня Лавкрафт вдохновляет множество художников по всему миру.

Для начала дадим определение, представленное и обоснованное в другой нашей статье:

Рассеянный нарратив – это особый тип повествования, в основе которого лежит явление рассеивания сюжетных и сюжетообразующих элементов произведения по всему его художественному пространству, заставляющее реципиента «восстанавливать» его самостоятельно, без помощи полноценного нарратора.

Элементами рассеянного нарратива «Bloodborne» выступают: вещный мир произведения; локации; система персонажей; внутриигровой реципиент.

Наиболее значимыми в творчестве Говарда Лавкрафта являются мотивы *космоса* (внешне ведущий в цикле Мифов Ктулху), *сна* (внешне ведущий в Цикле Снов) и *безумия* (истинно ведущий); важна также мотив-тема *крови*, как наследственности.

Все эти мотивы тесно переплетаются в каждом произведении и остаются в центре внимания, как сюжетообразующие и мировоззренческие. В центре лейтмотивной системы Лавкрафта стоят мотивы безумия и сна, как наиболее широкие и наиболее точно выражающие основные положения философии писателя.

Среди мотивов Bloodborne в качестве ведущих выделяем: мотив Луны; мотив Кошмара; мотив крови; мотив безумия.

Мотив Луны (космоса) представляется сюжетообразующим, поскольку выраженное внешне воздействие космоса в его конкретных воплощениях на человека образует основу глобального сюжета «Bloodborne».

Мотив сна в «Bloodborne» организует пространство произведения, поскольку все активное взаимодействие персонажа игрока с персонажами, окружением и предметами происходит не в объективной реальности, а внутри плана сна. Данный мотив представляется также сюжетообразующим, однако в отличие от мотива Луны получает прямое выражение в немалом объеме не только через образы, но и через локации.

Мотив крови в «Bloodborne» представляется центральным. Кровь в «Bloodborne» – это особая материя, эссенция жизни. Кровь Великих – инструмент искусственной эволюции, кровь человека символизирует саму жизнь. Смещение крови человека и бога приводит к вырождению. Мотив крови выражается также через содержательный мотив-тему вырождения.

Мотив безумия выражается в системе тесных связей с другими мотивами и представляется мировоззренческим. Наиболее близок с мотивом крови, поскольку безумие непременно сопутствует вырождению. Как и у Лавкрафта, в «Bloodborne» безумие неотделимо от познания, высшей мудрости. Механика озарения позволила авторам сделать «Bloodborne» лучшей на сегодняшний день нелитературной интерпретацией произведений Г.Ф. Лавкрафта. Повышение значений озарения персонажа игрока, напрямую связанное с показателем безумия, открывает некоторые скрытые элементы произведения и наилучшим образом иллюстрирует сущность безумия, как нечеловеческого знания свыше.

Все рассмотренные нами ведущие мотивы «Bloodborne» существуют в четко выстроенной системе, служащие выражению единой идеи. Как цельное художественное произведение, построенное чрезвычайно сложно и не готовое открыться игроку сразу, «Bloodborne» представляется работой глубокой, тонкой и наполненной смыслами. Ведущие мотивы прозы Говарда Лавкрафта и его ключевые идеи находят здесь достойное выражение.

Библиографический список

1. Галанина Е. В., Акчелов Е. О. Виртуальный мир видеоигры: культурфилософский анализ // *Философская мысль*. 2016. № 7. С. 97-111.
2. Шаев Ю. М. Проблема времени в киберпространстве // *Вестник Пятигорского государственного Лингвистического университета*. 2012. № 4. С. 364–367.
3. Шмид В. *Нарратология: Языки славянской культуры*; Москва; 2008.

«ТИП ЛЮБВИ-ТЩЕСЛАВИЯ В РОМАНЕ «КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ» И НОВЕЛЛЕ «ВАНИНА ВАНИНИ» СТЕНДАЛЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ»

«THE TYPE OF LOVE-VANITY IN THE NOVEL «RED AND BLACK» AND THE NOVELLA «VANINA VANINI» BY STENDHAL: COMPARATIVE ANALYSIS»

О.Н. Сатаева

O.N. Sataeva

Научный руководитель: Т.А. Полуэктова
Scientific adviser: T.A. Poluektova

Реализм, Фредерик Стендаль, «О любви», любовь-тщеславие, Матильда де Ла-Моль, Жюльен Сорель, Ванина Ванини, Пьетро Миссирилли.

В данной статье рассматривается тип любви-тщеславия в творчестве Фредерика Стендаля, на примере новеллы «Ванина Ванини» (фр. «Vanina Vanini», 1829) и романа «Красное и чёрное» (фр. «Le Rouge et le Noir», 1830).

Realism, Frederick Stendhal, «On Love», love-vanity, Mathilde de La-Mole, Julien Sorel, Vanina Vanini, Pietro Missirilli.

This article examines the type of love-*vanity* in the works of Frederick Stendhal, using the example of the novella “Vanina Vanini” (fr. “Vanina Vanini”, 1829) and the novel “Red and Black” (fr. “Le Rouge et le Noir”, 1830).

Согласно словарю психологических терминов, любовь – напряженная потребность в данном человеке, влечение к нему, страстное желание обладать им, заботиться о нем, быть ему нужным [5]. Это чувство на протяжении многих веков является одной из основных тем многих художественных произведений. В каждую эпоху писатели, философы по-разному изображали это чувство.

В эпоху античности считалось, что любовь пробуждает в человеке всё самое лучшее («Дафнис и Холя» Лонга). В Средние века в литературе в основном воспевалась любовь к религии, люди много внимания уделяли спасению души, однако в рыцарской культуре теме любви было отведено особое значение: рыцари посвящали прекрасным дамам стихи с признаниями в своих чувствах. В комедиях эпохи классицизма чувство любви боролось с чувством долга («Сид» Корнеля). В эпоху Просвещения на первом месте был разум. Для романтика любовь и внутренний мир героя были самой большой ценностью, особое внимание уделялось психологизму (произведения Байрона, «Рене» Шатобриана). В эпоху реализма любовь подвергается тщательному анализу. Одним из первых писателей, кто уделил этому чувству особое внимание, был французский писатель Фредерик Стендаль.

В трактате «О любви» (De l'amour, 1822) Ф. Стендаль выделяет 4 типа любви: любовь-страсть, любовь-влечение, физическая любовь и любовь-тщеславие. Самым сложным типом любви является «любовь-тщеславие»: вбирает в себя все предшествующие типы, но при этом субъект любви любит не столько

объект своей любви, сколько себя рядом с ним. Это чувство сопровождается холодным расчётом, честолюбием, лицемерием.

В 1829 году в свет выходит новелла Стендаля «Ванина Ванини» (Vanina Vanini, 1829). Ванина Ванини, девятнадцатилетняя дочь князя Аздрубале Ванини, пользуется большим успехом в высшем свете. Она хороша собой, умна, многие известные и богатые люди проявляли к ней интерес, точно так же, как и к Матильде де Ла-Моль, но Ванина, как и Матильда, была непреклонна.

Особенно ненавистен ей был дон Ливио Савелли. Девушка не упускала возможности «уколоть» молодого человека за его низкий интеллект. Всем было непонятно, почему Ванина отвергает столь выгодные партии и кто мог бы удостоиться её внимания, на что девушка всегда отвечала, что ей может понравиться молодой карбонарий, бежавший на днях из крепости: *«По крайней мере, он что-то совершил, а не только дал себе труд родиться»* [1;3].

Самое страшное для Ванины – быть «как все». Когда она встречает того самого сбежавшего карбонария Пьетро, то быстро влюбляется в него. Не каждая девушка её уровня и круга общения способна полюбить человека ниже своего статуса. К тому же Пьетро умён, смел и справедлив, чего нельзя сказать о людях, просящих руки Ванины.

Девушка была уверена, что Пьетро любит всем сердцем только её: *«Если ему придется выбирать между мной и родиной, – думала она, – он отдаст предпочтение мне»* [1;6]. Соперничать с самой Италией Ванине ещё не приходилось, но Ванина ошибалась. Италия – родина Пьетро – это его самая большая любовь. Ради Италии и её независимости от Австрии Пьетро готов отдать всё, что у него есть: *«Чем несчастнее Италия, тем больше должен я хранить верность ей. Чтобы добиться согласия донна Аздрубале, мне пришлось бы несколько лет играть жалкую роль. Ванина, я отказываюсь от тебя!»* [1;7].

Миссирилли доверяет возлюбленной тайну карбонариев и тем самым предаёт их. Карбонарии были арестованы по причине доноса Ванины: она не хотела делить любимого ни с кем. Когда Пьетро поймали и заковали в цепи, он предложил Ванине считать друг друга чужими. Глаза возлюбленного загорелись только от слова «родина». Ванина была в ярости, не столько от любви, сколько от оскорблённой гордости. Её, лучшую красавицу Рима, бросают ради какой-то родины! Ванина хотела помочь Пьетро бежать, но не из-за любви к нему, а чтобы доказать, что она лучше самой Италии. Пьетро назвал Ванину «чудовищем», окончательно уничтожив её гордость [4;304].

Вскоре газеты сообщили, что Ванина вышла замуж за ранее ненавистного ей донна Ливио Савелли. Этим браком Ванина наказала сама себя за своё предательство. Быть «как все» для Ванины хуже смерти. Выйдя замуж за донна Савелли, она стала «как все».

Рассмотрим, как тип любви- тщеславия проявляется в романе «Красное и чёрное» (Le Rouge et le Noir, 1830) на примере взаимоотношений Матильды де Ла-Моль с Жюльеном Сорелем.

Современная действительность не вызывает никакого интереса у Матильды, именно поэтому девушка живет прошлым, которое появляется в ее воображении,

окутанное романтикой сильных чувств. Каждый год, единственная из членов своей семьи, тридцатого апреля, девушка носит глубокий траур по своему предку Бонифасу де Ла-Молю, любовнику самой королевы Маргариты Наваррской. Более всего в истории их любви Матильду покоряет тот факт, что королева любила человека не своего круга и, когда палач обезглавил Бонифаса, королева Маргарита сама лично попросила голову возлюбленного, бесстрашно взяла её и тайно похоронила её в часовне. Нося траур, она хотя бы в этот день чувствует себя причастной к тем событиям и временам.

Жюльену удаётся привлечь Матильду своим умом, интересными взглядами на жизнь и социальным положением. Матильда понимает, что вот он – шанс полюбить человека намного ниже своего социального статуса. Тем самым она приблизится к королеве Маргарите Наваррской, которая, как и Матильда, осмелилась полюбить человека не своего круга. В трактате «О любви» Стендаль писал: *«Кому придёт в голову влюбиться в королеву, если она сама не сделает первого шага?»* Матильда, как королева, сделала этот первый шаг [3; 145].

Она понимает, что если полюбит Жюльена, то тем самым вызовет в обществе большой резонанс, к тому же её собственная семья вряд ли будет рада такому повороту событий, однако эти мысли нисколько не пугают Матильду, скорее наоборот, так она ещё больше будет ощущать своё превосходство над всем высшим светом: *«Осмелиться полюбить человека, который намного ниже тебя по своему общественному положению, – уже в этом есть нечто величественное и дерзновенное»* [2; 327].

Искренне и всей душой Матильда никогда не сможет полюбить Жюльена. Он и сам это слишком хорошо понимает, особенно в последние дни перед казнью: *«Через пятнадцать лет госпожа де Реналь будет по-прежнему любить моего сына, а вы о нём забудете»* [2; 526]. Действительно, искренняя любовь Луизы де Реналь переживёт все испытания, а любовь Матильды никогда не была искренней, она любила не самого Жюльена, именно как человека, а себя рядом с ним.

Таким образом, такой тип любви, как любовь–тщеславие герои раскрывают по-разному. Главное, что их объединяет – движимые любовью-тщеславием, они не остановятся ни перед чем: пойдут против семьи, против закона, против самих себя.

Можно сделать вывод, что любовь–тщеславие самый опасный тип любви: она доводит людей до критического состояния, что, без сомнений, актуально не только во времена второй половины 19 века, но и в наши дни.

Библиографический список

1. Стендаль, Ф. «Ванина Ванини»: новелла / Фредерик Стендаль [пер. с фр. Н.И. Немчинова]. М.: «Эксмо-Пресс», 2017. 14 с.
2. Стендаль, Ф. «Красное и чёрное»: роман / Фредерик Стендаль [пер. с фр. Н.М. Любимов]. М.: «Эксмо», 2019. 541 с.
3. Стендаль, Ф. «О любви»: Собрание сочинений в 12 томах. Т. 7/ Фредерик Стендаль [пер. с фр. М. Левберг и П. Губера. М.: «Правда», 1978
4. Реизов Б.Г. «Стендаль: художественное творчество». Л.: «Художественная литература», 1978. 408 с.
5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. [Электронный ресурс] «Прайм-Еврознак», 2007 г. Режим доступа: <https://psychological.slovaronline.com/>

ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «ПОПРЫГУНЬЯ» А.П. ЧЕХОВА И «ЛИШНИЙ» С. ДОВЛАТОВА

CHEKHOV'S TRADITIONS IN THE PROSE OF SERGEI DOVLATOV
(ON THE EXAMPLE OF THE STORIES "THE GRASSHOPPER"
BY A.P. CHEKHOV AND "THE UNWANTED" BY S. DOVLATOV)

Д.В. Симакова D.V. Simakova

Научный руководитель: Т.Н. Садырина
Scientific adviser: T.N. Sadyrina

Чеховские традиции, образ «лишнего», художественный метод, нестандартный человек, уровни воплощения.

Статья посвящена исследованию произведений А.П. Чехова и С.Довлатова на предмет поиска взаимосвязи, выявления традиции. В работе представлен анализ на разных уровнях построения текста. Кроме представления чеховских традиций в прозе С.Довлатова, на рассмотрение выносятся образ “лишнего” и способы его воплощения в произведениях писателей.

Chekhov's traditions, image of the “unwanted”, artistic method, non-standard person, levels of incarnation.

The article is devoted to the study of the works of A. P. Chekhov and S. Dovlatov on the subject of the search for the relationship of tradition. The paper presents an analysis at different levels of text construction. In addition to the representation of Chekhov's traditions in the prose of S. Dovlatov, the image of the “superfluous” and the ways of its implementation in the works of writers are submitted for consideration.

Анализируя прозу Сергея Довлатова, можно утверждать, что творчество А.П. Чехова оказало огромное влияние на писателя. Сам автор отмечал, что походить бы ему хочется только на Чехова.

Целью нашего исследования является рассмотрение произведений А.П. Чехова и С. Довлатова для выявления взаимосвязи, традиции. Для этого произведем анализ на разных уровнях построения текста.

Исследуя прозу Сергея Довлатова, можно сразу отметить несколько особенностей чеховской прозы, которые писатель воплотил в своем творчестве: философско-эстетическая позиция (осознание самого себя как писателя, не стремящегося показать человеку, как надо жить, а желание рассказать о том, как он живет); описание незначительного случая, «мелочи жизни», служащей основным элементом раскрытия личности героя, его картины мира и общества в целом; избегание подчеркнутой тенденциозности; “повествовательный минимализм” (стремление писать так, чтобы читатель без пояснения автора понял, в чем

дело); диалог как вид текста и средство характеристики персонажей; анекдотичность случаев и абсурдность описываемых ситуаций, позволяющие обратить внимание на нелепость жизни.

Из стремления показать жизнь с другой, непривычной стороны вытекает и выбор тем, поднятых в произведениях Чехова и Довлатова. Отвергая любую тенденциозность и обращая внимание на «особые случаи», писатели выбирали для своих произведений героев, опираясь на мысль о том, что «похожие друг на друга люди полезны всем, непохожие вызывают вражду и презрение». Но «соль жизни» хранят «лишние». В рассматриваемых нами рассказах образ «лишнего» человека выходит в повествовательный план как эксплицитно, так и имплицитно. В «Попрыгунье» Чехов сразу подчеркивает разницу между Дымовым и обществом лексически: «имя Дымова звучало так же безразлично, как Сидоров или Тарасов, – среди этой компании Дымов казался чужим, лишним и маленьким». Также при описании Дымова автор часто характеризует его, как бы ставя в оппозицию членам общества, в которое он не вписывается: «не правда ли есть в нем что-то сильное, могучее, медвежье?»; это «медвежье» не идет ни в какое сравнение с «изящным, умным и скромным», которыми наделяет рассказчик всех членов «высшего круга». Через отношение друзей и знакомых Ольги Ивановны к Дымову, через само ее отношение к мужу, через описание роли и места Дымова в жизни жены мы понимаем, почему этот человек «лишний». Его обыкновенность и простодушие принимаются Ольгой Ивановной и ее окружением за что-то «неправильное», нехарактерное для их среды. «Обычность» Дымова подчеркивается и синтаксическими конструкциями, которые автор использует при его описании. Это нераспространенные, ничем не осложненные, по большей части, простые предложения. Автор так же подчеркивает разницу между ним и Ольгой Ивановной стилистически. При описании ее жизни используется более экспрессивный тон и выразительные интонации, нежели при описании образа жизни Дымова. Резкая смена тона лишний раз демонстрирует границу между этими двумя мирами. «Лишний» Дымов охарактеризован и показан автором эксплицитно. Так же как и Эрик Буш – герой рассказа С. Довлатова «Лишний». Эрик предстает перед читателем как полная противоположность «серому» Дымову. Его неординарность и легкое безумие составляют основу всего рассказа. Лексически Эрик показан как «невписывающийся» через такие лексические средства как «нечто фантастическое», «ненормальный предлагает кофе, дружбу и чулан», «оба были законченными шизофрениками», «был антисоветчиком и нонконформистом», «его могли бы принять за опасного сумасшедшего» и т.д. Ситуативно Эрик выделяется из толпы благодаря тому, что встречает лирического героя в своем доме стихами, засыпает в кабинете генерала КГБ, живет исключительно со стареющими женщинами, ворует стенгазету из местного отделения КГБ и т.д. Цель автора – показать принципиальное отличие между Эриком и обществом, в котором он живет.

Образ «лишнего» воплощается не только в образах непримечательного Дымова и эпатажного Эрика Буша. Имплицитно «изгой» воплощен и через Ольгу Ивановну, которая парадоксально является частью «высшего общества», но все

еще стремится туда попасть. Все её друзья только пророчат ей успехи и достижения в области искусства, но пока не признают их. Её талант заключается в том, чтобы знакомиться со знаменитыми и выдающимися людьми, а не становиться такой. Именно она и является истинно «лишним» человеком в художественном мире этого рассказа, а не Дымов, о котором после его смерти говорили: «Это, если нас всех сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды подавал нам всем!».

В образе лирического героя рассказа «Лишний» также легко проявляется человек вне общества. Его оставляют в полном одиночестве в чужом для него городе, он на плохом счету у государства, отчего не может полноценно служить в журналистике, даже в отношениях Эрика и его возлюбленной Галины он выглядит неестественно обычным и простым. Это несовпадение с обществом прослеживается в том, как герой сам о себе высказывается: «Я же был пагубно универсален», «я позволял себе много лишнего», «все остальные на меня плюют», «я был подходящим человеком для репрессий» и т.д.

Исследуя два рассказа А.П. Чехова и С. Довлатова, мы определили, что воплощение образа «лишнего» или незаурядного, нестандартного человека происходит на следующих уровнях:

1. На уровне выбора героя (Дымов – Эрик Буш, Ольга Ивановна – Сергей);
2. На уровне лексики – изображение характера через слово и действие, авторские характеристики и определения от других персонажей;
3. На стилистическом уровне (при описании «простого» Дымова использованы менее экспрессивные конструкции и выразительные интонации, чем при описании Ольги Ивановны и Эрика); присутствие авторской лирической иронии;
4. На синтаксическом уровне (использование нераспространенных, ничем не осложненных синтаксических конструкций при описании «лишнего»);
5. На уровне создания и изображения сюжетных ситуаций, в которых проявляется нестандартность поведения героя;
6. На идейном уровне (писатели, каждый по-своему, имплицитно реализуют идею социальной значимости нестандартных людей).

Библиографический список

1. Генис А.А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2000. 304 с.
2. Довлатов С. Жизнь коротка: рассказы. СПб.: Азбука-Аттикус, 2020. 160 с.
3. Чехов А.П. Дом с мезонином: Повести и рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1986. 268 с.
4. Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Сб. Статей / Сост. О.Эйхенбаум; Вступ.сл. Г.Бялого. Л.: Худож. лит., 1986. 456 с.

АНАЛИЗ ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА АГАТЫ КРИСТИ «ДЕСЯТЬ НЕГРИТЯТ» (ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

ANALYSIS OF AGATHA CHRISTIE'S DETECTIVE NOVEL "TEN LITTLE NEGROES" (PSYCHOLINGUISTIC ASPECT)

А.Б. Сульдум-оол

A.B. Suldum-ool

Научный руководитель: Н.А. Бурмакина
Scientific adviser: N.A. Burmakina

Психолингвистика, психолингвистический анализ, художественный текст, типы текстов, «активный» текст.

Данная статья посвящена психолингвистическому анализу «активного» текста на примере перевода детективного романа Агаты Кристи «Десять негритят». Материалы исследования могут быть использованы в школьной практике курирования индивидуальных проектов.

Psycholinguistics, psycholinguistic analysis, literary text, text types, "active" text.

This article is devoted to the psycholinguistic analysis of the "active" text on the example of the detective novel "Ten Little Negroes" by Agatha Christie. The research materials can be used in the school practice of supervising individual projects.

Художественный текст является предметом изучения литературоведения и стилистики. К проблеме представления знаний о мире в художественном тексте обращались специалисты разных наук. Психолингвистика является наукой о производстве и восприятии речи, она ориентирована преимущественно на исследование того, как речевой материал воспринимается «рядовым» носителем языка, какие образы формируются в его сознании. Психолингвистический анализ – это анализ языковых единиц, при котором делается вывод о психологическом типе автора или персонажа, о его психическом и эмоциональном состоянии. В. П. Белянин в работе «Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе)» различает следующие типы текста: «светлый», «активный», «темный», «печальный», «веселый», «красивый», «сложный» [1].

Благодаря работе Белянина удалось отнести детективный роман Агаты Кристи «Десять негритят» к «активному» тексту, так же выявить паранойяльные черты в романе [2]. Герои становятся подозрительными, гости начинают обвинять друг друга в убийствах: «*Это Армстронг... я видела, как он смотрел на меня искоса... у него были глаза безумца... настоящего безумца... Может быть, он вообще не доктор... Ну, конечно, в этом все и дело!.. Он псих, сбежал из какой-нибудь лечебницы и теперь притворяется доктором... Это же правда... сказать ему?.. завизжать? ...*». Сочетание «*смотрел искоса*» означает недоверие или подозрение. Выражение «*глаза безумца*» означает глаза напряженного человека;

сумасшедший взгляд. «*Он псих*» – разговорное название человека, страдающего психическим расстройством. «*Сбежал из лечебницы*» – сумасшедший человек покинул лечебное заведение специального назначения. «*Притворяется доктором*» означает, что человек врет про свою профессию, чтобы ввести в заблуждение окружающих. Каждое нейтральное или дружелюбное движение друг друга гости интерпретируют, как угрозу причинения вреда, например, когда мисс Brent почувствовала недомогание, доктор Армстронг хотел дать таблетку, но она отказалась, т.к. боялась, что ее отравят: «– Голова закружилась? – Доктор Армстронг шагнул к ней. – Вполне естественно. Последствия шока. Я дам вам что-нибудь... – Нет! – Слово сорвалось с ее губ и прогремело, точно взрыв. Все были поражены. Доктор Армстронг покраснел. Женщина **смотрела на него со страхом и неприкрытой подозрительностью**». Выражение «*смотрела на него со страхом*» означает смотреть в состоянии сильной тревоги, боязни, беспокойства, душевного волнения от грозящей или ожидаемой опасности.

У каждого типа текста есть доминирующие семантические комплексы. Доминантами «активного» текста являются: истина, естественность, ложь, человек, добро, зло, друг, враг, борьба, тайна, жизнь, свет, звук. Проиллюстрируем ряд семантических комплексов, например:

‘Добро’: «*Миссис Хэмилтон, дородная, добродушная женщина*». Добродушными называют поведение, действия или слова человека, если они выражают доброту и мягкость, отсутствие злобы. **‘Зло’**: «*Я его ненавижу*». Ненависть – чувство сильнейшей вражды. В представленном фрагменте человек ненавидит звук прибоа, это негативное чувство заставляет человека чувствовать себя плохо и вспоминать плохие моменты, которые связаны с морем и звуком прибоа. **‘Борьба’**: «*Смелая и изобретательная молодая особа*». Лексема «*смелый*» описывает храброго, отважного человека, который не знает страха, не боится опасности. Девушка, которая описывается во фрагменте, не боится ничего, ради своей жизни и будущего, она готова пойти даже на убийство. Она смело борется за свою жизнь.

Для анализируемого «активного» текста репрезентативными являются глаголы движения, например: «*Глаза Роджерса забежали*». Выражение «*глаза забежали*» используют, когда человек испытывает тревогу, стыд, обман, страх, неврастению, его взгляд не может остановиться на одном месте. «*Бежали по комнате, суетились*», т. е. перемещались в пространстве, попеременно то одной, то другой ногою быстро и резко отталкиваясь от земли (неоднократно, в разное время и в разных направлениях).

Таким образом, проанализировав детективный роман Агаты Кристи «Десять негритят» в переводе Натальи Викторовны Екимовой, можно сделать вывод, что роман относится к «активному» тексту.

Библиографический список

1. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
2. Кристи А. Десять негритят / пер. Н. Екимовой. М.: «Издательство «Э»», 2016. 258 с.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕМЫ БУЛЛИНГА В ПОДРОСТКОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ (ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ УРОКА ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ ПО ПОВЕСТИ А. КУПРИНА «НА ПЕРЕЛОМЕ» В 7 КЛАССЕ)

ACTUALIZATION OF THE TOPIC OF BULLYING
IN A TEENAGE TEAM (EXPERIENCE OF CONDUCTING
AN EXTRACURRICULAR READING LESSON BASED
ON THE STORY OF A. KUPRIN “AT THE BREAKING POINT“
IN THE 7TH GRADE)

Е.В. Третьякова

E.V. Tretyakova

Научный руководитель: Н.В. Уминова
Scientific adviser: N.V. Uminova

Подростковая литература, внеклассное чтение, тема изгойства, школьный конфликт.
В статье рассмотрена тема буллинга в подростковом коллективе, её интерпретация в повести Куприна, а также даны методические рекомендации по проведению урока внеклассного чтения в 7-м классе.

Teen literature, extracurricular reading, the topic of pariah, school conflict.
The article deals with the topic of bullying in a teenage team, its interpretation in the story of Kuprin, as well as methodological recommendations for conducting an extracurricular reading lesson in the 7th grade.

Изображение конфликтов в подростковой среде и в целом тема школьной жизни достаточно популярны в литературе. Данный факт отражает существование проблем в современном обществе. Зачастую подростковые конфликты приобретают массовый характер и приводят с одной стороны к вседозволенности и безнаказанности, с другой – к изгойству. Не случайно к изображению подростков и их школьной жизни обращались писатели разных эпох: А. Погорельский, Л. Чарская, А. Куприн, В. Железников, А. Богословский, А. Костюнин, О. Раин, И. Лукьянова, В. Ледерман и другие. В своих произведениях они отражали разные аспекты темы. Если в прошлых веках авторы делали акцент на изображении внешних недостатков ребёнка-изгоя и его унижении, гонении, то в современной литературе наблюдается тенденция выхода из ситуации конфликта за счет внешнего и внутреннего ресурса подростка.

Однако в литературоведении и методической науке тема изгойства исследована мало, наблюдается отсутствие концептуальных трудов, посвященных данной проблематике. Так, авторы учебников по детской литературе и составители школьных программ – И.Н. Арзамасцева, С.А. Николаева [1], Н.Е. Кутейникова [2],

В.Я. Коровина [4], Б.А. Ланин [3] и другие – рассматривают лишь отдельные аспекты проблемы (причины возникновения изгойства, поведение героя-изгоя, гонение изгоя). Также в последнее время наблюдается тенденция обращения к образу ребёнка-изгоя со стороны учителей-практиков, которые предлагают разработки уроков, посвященных проблемам жестокости и самоопределения личности.

Выявив, что обращение к теме изгойства не носит системного характера, мы решили разработать свою систему уроков внеклассного чтения и классных часов, которые будут в полном объёме охватывать проблему взаимодействия школьников в коллективе [7].

Так, в 7-м классе в рамках работы с тематикой изгойства мы предлагаем обратиться к повести А.И. Куприна «На переломе», где данная тема является ведущей. Автор говорит о феномене изгойства как о социокультурной проблеме образовательных учреждений царской России. Куприн выводит проблему изгойства за рамки одного класса, все учащиеся так или иначе включены в конфликт.

На вступительном этапе урока мы рекомендуем обратиться к истории России, сформировать у обучающихся представление о системе образования в XIX–XX веках, показать фото учебных заведений, рассказать о принципах обучения, о разделении на женские гимназии и кадетские корпуса.

Этап художественного восприятия совмещаем с аналитической работой. Повесть изучаем фрагментами. Учитель читает первый фрагмент (глава I, с начала и до слов: «здорово новичка маслянками накормил»), в котором описано первое появление главного героя и первое же унижение, выстраиваем беседу по следующим вопросам:

Что говорит мама о Мише Буланине?

Как автор описывает новеньких кадетов и «старичков»?

Как приняли кадеты новенького?

Далее идет чтение второго фрагмента учителем (глава V, со слов: «этот всеобщий культ кулака очень ярко разделил всю гимназическую среду на угнетателей и угнетаемых» до слов: «хвастается и куражится перед мелкими воришками»), после чего продолжается беседа с учениками по вопросам:

В чём, по вашему мнению, кроется причина такого явления как изгойство?

Возможно ли избежать унижений в такой обстановке, если да, то каким образом?

Как вы думаете, к какой категории будет относиться Миша Буланин в конце повести и почему?

Затем учитель читает последний фрагмент (глава VII, со слов: «наступило для Буланина жуткое, тяжелое время» до конца повести) и организует игровую технологию «Дебаты». Класс делится на две команды, им необходимо выдвигать свои аргументы и контраргументы для защиты и опровержения определённого тезиса. Данная технология помогает формированию и развитию коммуникативных навыков [6]. В качестве тезиса берем утверждение: Жизнь Миши Буланина безжалостно изломана жестокими взаимоотношениями в гимназической среде.

На заключительном этапе предлагаем воспользоваться приёмом «Тайные мысли» относительно повести «На переломе», этот приём помогает обучающимся «достать» наружу тайные вопросы, убеждения, которые беспокоят их и которые они боятся или стесняются высказать вслух [5]. Также в заключение урока рекомендуем школьникам прочитать повесть полностью, если она вызвала интерес; помимо этого, называем и другие произведения, изображающие героя-изгоя, например, В. Ледерман «Календарь ма(й)я», О. Раин «Человек дейтерия», И. Лукьянова «Стеклянный шарик» и другие.

Отметим, что подобные тексты имеют воспитательный потенциал, их включение в программу школьного чтения позволяет учителю акцентировать внимание ребёнка на таких понятиях, как нравственность, совесть, честь, сопереживание, на умении ставить себя на место другого человека и не поддаваться жестокости и мнению толпы.

Библиографический список

1. Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2005. 576 с.
2. Кутейникова Н.Е. Элективный курс «Твой ровесник в мире современной художественной литературы» // Навигатор по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе: методические рекомендации. М.: МАЭСТРО ПлаТинум, 2017. 158 с.
3. Ланин Б.А. Литература: программа: 5-9 классы общеобразовательных организаций. М.: Вентана-Граф, 2014. 160 с.
4. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. Под ред. В.Я. Коровиной. М.: Просвещение, 2015. 85с.
5. Семёнова О.В. Приёмы работы с текстом на уроках литературы. Методическая мастерская. URL.: <https://multiurok.ru/files/priemy-raboty-s-tekstom-na-urokakh-literatury.html> (дата обращения: 23.04.2021).
6. Сухина Л.А. Дебаты на уроках литературы. URL.: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2014/08/26/debaty-na-urokakh-literatury> (дата обращения: 23.04.2021).
7. Третьякова Е.В. Подходы к изучению темы изгоя в детской литературе на уроках внеклассного чтения в 5-9 классах // Актуальные проблемы современной филологии. Материалы X Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. 2020. С. 126-129.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «СТРАХ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

ASSOCIATIVE FIELD “FEAR” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN AND CHINESE STUDENTS

А.Э. Феллер

A.E. Feller

Научный руководитель: Н.Н. Бебриш
Scientific adviser: N.N. Bebrish

Языковое сознание, страх, цепочечный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, ассоциативная реакция.

Целью данной статьи является сравнение ассоциативных полей носителей китайского и русского языков. В работе отражаются результаты исследования ассоциативного поля «страх» в языковом сознании русских и китайских студентов. Материал получен при помощи метода цепочечного ассоциативного эксперимента.

Linguistic consciousness, fear, chain associative experiment, associative field, associative reaction.
The article focuses on comparing the associative fields of native Chinese and Russian speakers. It reflects the results of the study of the associative field “fear” in the linguistic consciousness of Russian and Chinese students. The material is obtained using the method of a chain associative experiment.

Высокий уровень владения русским языком не является показателем успешной коммуникации. Как отмечают лингвисты, проблемы неуспешного взаимодействия связаны с различием языковых сознаний коммуникантов.

На основе анализа лингвистической и психологической литературы нами было выбрано слово «страх» как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира.

Цель исследования – выявление ассоциативного поля «страх» в языковом сознании русских и китайских студентов, обеспечивающее лингвистическое моделирование сходств и различий данного поля в разных культурах.

Для определения ассоциативного поля был выбран метод цепочечного ассоциативного эксперимента. Для русских и китайских студентов он проводился в разных форматах. Русские студенты принимали участие офлайн, а китайские – онлайн из-за условий коронавирусной пандемии. Студентам было предложено написать ассоциации на слово-стимул «страх». Стоит отметить, что для чистоты эксперимента китайские студенты записывали ассоциации на китайском языке.

Среди русских информантов было опрошено 28 человек. Это были студенты 4 курса филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева. Русскими ре-

спондентами было дано 256 реакций. Среди китайских респондентов было опрошено 24 человека. Это были и студенты, и работники разных учреждений. Ими было дано 85 реакций.

После детального анализа русских и китайских ассоциативных полей был проведен сопоставительный анализ ассоциативных реакций.

Таблица 1

Сопоставительная таблица ассоциативных реакций русских и китайских студентов

Ассоциативные реакции русских студентов	Ассоциативные реакции китайских студентов
Темнота 9; Одиночество 6; Смерть 3; Высота 2; Пауки 2; Крысы 2.	Темнота 4; Одиночество 4; Смерть 4; Высота 2; Пауки 2; Крыса 1.

При анализе ассоциативных реакций русских и китайских испытуемых было отмечено, что самыми частотными реакциями у носителей обоих языков являются «темнота» и «одиночество». Но у русских респондентов эти реакции составляют ядро ассоциативного поля, а у китайских – околядерную зону.

Реакция «смерть» встречается как в анкетах русских студентов, так и китайских. В обоих случаях данная реакция составляет околядерную зону ассоциативного поля. Но страх смерти в русской и китайской культуре имеет разное значение. В китайской культуре смерть вызывает страх, так как традиционная китайская культура не разработала каких-либо идей бессмертия души, сопоставимых с христианскими [1].

В русской же культуре страх смерти связан со страхом перед высшими силами, страх перед наказаниями высшим существом. Примером отображения этого страха в ассоциативном эксперименте является реакция русского информанта: «*Всадники апокалипсиса – Смерть, Чума, Война, Голод*». Наиболее жестокая форма запретов существует в христианской морали. Каждое нарушение-грех карается, поэтому человек должен был испытывать страх на протяжении всей жизни [2]. Это высказывание можно подтвердить ассоциативной реакцией русского студента «*страшный суд*».

Таким образом, можно сделать вывод, что ассоциативные поля слова-стимула «страх» у русских и китайских студентов имеют различия и сходства. Эти различия являются существенными и отражают языковое сознание носителей разных языков и культур.

Библиографический список

1. Алешина Л.Н. Концепт «смерть» и его роль в выражении национальной ментальности носителей китайского языка // Ученые записки РГСУ. 2013. №4. С. 122 – 125.
2. Поздеев В.А. Отражение этнокультурных стереотипов страха // Традиционная культура. 2015. №4. С. 25 – 31.

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В ИДЕОЛОГИИ КОЛУМБАЙНА

THE LANGUAGE OF HOSTILITY IN COLUMBINE'S IDEOLOGY

А.А. Хлиманкова

A.A. Khlimankova

Научный руководитель: А.В. Кипчатова

Scientific supervisor: A.V. Kipchatova

Колумбайнеры, язык вражды, скулшуттинг социальные сети, Интернет.

Целью данной статьи являлось выявить признаки языка вражды дискурсивном пространстве движения Колумбайн. С помощью семантического анализа нами было выявлено, что язык данной группы действительно является риторикой ненависти. Это в свою очередь доказывает, что движение Колумбайн обладает деструктивным потенциалом и может провоцировать рост актов скулшуттинга.

Columbineers, hate speech, schoolshutting, social networks, Internet.

The purpose of this article was to identify the signs of the language of hostility in the discursive space of the Columbine movement. With the help of semantic analysis, we have revealed that the language of this group is really hate speech. This, in turn, proves that the Columbine movement has a destructive potential and can provoke an increase in acts of schoolshutting.

Актуальность исследования обусловлена тревожной общемировой тенденцией роста преступлений, связанных осуществлением террористических актов в образовательных учреждениях самими учащимися. Помимо того, что такие случаи представляют прямую угрозу жизни и здоровью учащихся и сотрудников образовательных учреждений, их следует отнести к прецедентным, то есть порождающим преступления-копии. В настоящий момент представленные события относят к определенной культуре, которая обладает своим дискурсивным пространством. Именно особенности дискурса являются предметом нашего научного разговора. Представленный дискурс обладает определенными особенностями, которые находят отражение в формировании особой философии группы «колумбайн», формах поведения ее членов, а также в формах вербального выражения.

В научной литературе, связанной с изучением социальной проблемы «детско-юношеского терроризма», рассматриваемое явление получило название «скулшуттинга». По своему происхождению как само явление, так и слово восходит к английскому school shooting “ стрельба в школе”

Основным каналом распространения «колумбайнских идей» является Интернет. Поэтому именно на примерах текстов из Интернета мы стали исследовать языковые особенности выражения данного движения.

Анализируя язык представителей движения Колумбайн, мы увидели, что часто она наполнена ненавистью, содержит оскорбления и призывы к насилию.

На основании чего мы сделали предположение, что язык Колумбайна можно классифицировать как язык вражды.

Язык вражды или риторика ненависти – это преследуемая по закону коммуникация, которая не несёт никакого иного смысла, кроме выражения ненависти к некоторой группе, особенно в условиях, когда коммуникация может спровоцировать насилие. [Гладилин, 2012] Язык вражды, по мнению А. Гладиллина, основан на социальных стереотипах, предубеждениях и дискриминации. Исходя из определения, агрессия человека, который использует словесный экстремизм, направлена на членов той или иной аутгруппы. В данной работе мы рассматриваем понятие адресата языка вражды более широко: член аутгруппы – это любой адресат деструктивной коммуникации вне зависимости от его расовой, национальной или гендерной принадлежности. Важным признаком является лишь его принадлежность к конкретному учебному учреждению.

Обязательными компонентами языка вражды являются **негативное значение выражения** и обязательная **адресация**. Оба эти обязательные элемента языка вражды присутствуют в речи колумбайнеров. Для них адресатами агрессивной коммуникации является не конкретная социальная группа, а, в широком понимании, коллектив образовательного учреждения: администрация школы, учителя, ученики и т.д.

Пример: – У тебя есть список?

– Нет.

По всем сразу буду

Не вижу смысла в списке

Смыслообразующее понятие в речи колумбайнеров – «ненависть» ко всем своим адресатам. Это понятие является и мотивом дальнейшей противоправной деятельности, и смысловым ядром определённого тематического поля. Т. е. оно запускает семантически связанный словесный ряд, выстроенный в такой логике:

«Я ненавижу обижающих меня – я им отомщу – я готовлю план мщения – я его осуществляю»

На каждом этапе этой цепочки есть определённые слова-маркеры языка вражды.

а) этап мотивировки своих действий

Ведущим мотивом дальнейшей противоправной деятельности нами был выделен мотив мести. Подражание также является мощным мотивом, но не входит в круг понятия «язык вражды».

Пример: “ненавидел школу и особенно учителей”

“урок для них”

б) прямые оскорбления

Пример: “псов учителей”, “ботаны”

в) описание избранных методов насилия

Пример: “прикинь у кого-нибудь окно будет открыто а я туда бомбу”

Заключение

В ходе семантического анализа, который был произведён нами на материале реальных переписок подростка, готовящего акт скулшуттинга в своей школы, нами были выделены маркеры тематического поля движения Колумбайн. Что одновременно доказывает идеологическую отнесенность данных текстов к указанному движению, и показывает то, что язык колумбайнеров можно определить как язык вражды.

Библиографический список

1. Галидин А.В. «Язык вражды» как коммуникация//[Электронный ресурс] Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. №11(19). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-vrazhdy-kak-kommunikatsiya/viewer>
2. Дубровский, Д.В., Карпенко, О.В. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти / Д.В. Дубровский, О.В. Карпенко. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт Петербурге, 2003. 72 с.
3. Щетинина Е.В. Проблемы развития культуры насилия в интернет-пространстве // Инновационное развитие профессионального образования. 2018. Т. 18. № 2. С. 127–130.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ «СТИХИЯ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE ELEMENT COMPONENT IN RUSSIAN AND CHINESE

Чжан Лэй

Zhang Lei

Научный руководитель: Н.Н. Бебриш
Scientific adviser: N.N. Bebrish

Лингвокультурный концепт, константа, фразеологический оборот, стихия земли, стихия воды.

В статье рассматриваются фразеологические обороты с компонентом стихия в русском языке (элемент земля) и китайском языке (элемент вода), делается вывод о важности этих элементов в обеих лингвокультурах.

Linguocultural concept, constant, phraseological turn, element of the earth, element of water.

The article examines phraseological phrases with the element component in Russian (the element earth) and Chinese (the element water), and concludes that these elements are important in both linguistic cultures.

Цель работы – рассмотреть отражение стихии в русских и китайских фразеологизмах на примере элементов земля и вода.

Изучение лингвокультурных концептов позволяет выявить приоритетные понятия языковой картины мира того или иного этноса. Лингвокультурный концепт – это ментальная проекция элементов культуры. Языковой формой его представления могут быть лексемы, фразеологические образования (идиомы, пословицы, поговорки, афоризмы), тексты [2, с. 116]. Понятия, имеющие особую культурную ценность, существующие в течение длительного времени и занимающие важное место в языковом сознании, в основе картины мира этноса, Ю.С. Степанов называет константами. «Воздух», «вода», «земля», «огонь» как элементы стихии входят в их перечень [4, с. 84].

Еще в древности человек познавал себя через природу, наделял её магическими качествами. Проявления разных стихий, то или иное толкование природных явлений столетиями формировали языковую картину мира. Известно, что представления о природных стихиях часто носят универсальный характер и отмечены во всех известных культурных традициях.

Материалом для исследования в нашей работе стали фразеологические обороты с компонентом стихия в русском и китайском языках, элементы стихии – земля, вода, воздух, огонь.

Употребление компонента «земля» рассмотрим на материале русского языка. Символика земли в русской лингвокультуре основывается как на христианских, так и на дохристианских (славянских) мифах и представлениях о земле [3].

Во фразеологических оборотах стихия земли представлена словами: *земля, почва, грязь, камень*. При этом фразеологизмы с этими компонентами могут иметь как положительное, так и отрицательное значение, например: – *твердо стоять на земле* (иметь устойчивое положение в жизни) и *земля колеблется под ногами* (положение становится ненадежным); – *твердая почва под ногами* (получать возможность уверенно действовать) и *почва зашаталась* (положение стало нестабильным); – *словно за каменной стеной* (под надежной защитой) и *кидать камень в огород* (ругать, обвинять) [5]. Наблюдение показало, что фразеологизмы с компонентом *грязь* имеют, как правило, только негативное значение (*облить грязью* – незаслуженно обвинять, сообщать лживые сведения, *из грязи да в князи* – быстро разбогатеть, стать значительным) [5].

В китайской народной культуре особое значение имеет элемент стихии – «вода». Вода одновременно и колыбель жизни, и колыбель цивилизации. Все древние цивилизации рождались и развивались рядом с водными объектами. Вода не только формирует материальную основу для поддержания жизни, но и влияет на судьбу нации. В народной китайской культуре есть мистическое представление, связанное с Желтой рекой, поклонение ей. Горы и реки, гром и молния, ветер и бури – все это древние китайцы считали воплощениями богов. Принося жертвы богам, люди выражали свое искреннее благоговение и надежду реализовать свои устремления. Как писал Дай Шэн во времена династии Западная Хань: «...в горных лесах, холмах и долинах мы видим ветер, дождь и существо из облаков, которое мы называем богом» [6]. Поскольку наводнения и засухи Желтой реки непредсказуемы, их невозможно остановить и трудно контролировать, древние люди рассматривали эти бедствия как гнев бога. Вероятно, поэтому в китайских фразеологизмах элемент вода используется, когда речь идет о проблемных, трудных ситуациях: *Перевалить через горы, переправиться через реки* – испытать все тяготы пути. *Необычные волны, опасные тучи* – неконтролируемая ситуация. *Остатки гор, остатки вод* – часть территории, оставшаяся целой после наводнения; *остатки былой роскоши* [1].

Таким образом, все элементы стихии являются важными в обеих лингвокультурах, но земля более важна в русской ментальности, а вода – в китайской языковой картине мира.

Библиографический список

1. Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Изд. 2-ое, стереотип. Иркутск: изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
3. Мифологический словарь /гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проспект, 2004. 992с.
5. Фразеологический словарь русского языка/ Сост.: Е.Н. Телия, 2006. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm>
6. Days. Книга обрядов. Чженчжоу: Издательство древних книг Чженчжоу. 2010.

БУДУЩЕЕ КОРОНАВИРУСА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»)

THE FUTURE OF CORONAVIRUS (ON THE MATERIALS OF “KOMSOMOL’SKAYA PRAVDA”)

Чжан Юнсян

Zhang Yongxiang

Научный руководитель: Е.В. Осетрова
Scientific adviser: E.V. Osetrova

Коронавирус, пандемия, семантика, актант, пропозиция, интенсификация.

На материале интервью с С. Переслегиным «Каким будет мир после коронавируса» рассмотрены семантические особенности прогностических текстов: их пропозитивный и актантный состав, а также показатели языковой интенсификации. Сделан вывод о том, что вышеперечисленные элементы формируют две семантические модели «будущего»: 1) модель глобального кризиса, вызванного коронавирусом / пандемией, 2) метафорическую модель военных действий.

Coronavirus, pandemic, language semantics, actant, proposition, intensification.

Based on an interview with S. Pereslegin “What will the world be like after the coronavirus”, the article examines the semantic features of predictive texts: text’s propositions and actants, as well as indicators of language intensification. It is concluded that the above elements form two semantic models of the “future”: 1) a model of the global crisis caused by the coronavirus, 2) a metaphorical model of military operations.

В поле медиатекстов, посвященных коронавирусу, выделяются публикации-прогнозы, авторы которых ориентированы на обсуждение моделей будущего и разного рода последствий пандемии.

Методология и понятийный аппарат языковой семантики, развитые в трудах российских лингвистов (в частности [1; 2; 3; 4]), дают возможность рассмотреть устройство соответствующих текстов с целью выявления их содержательных особенностей. При этом важно отметить, что особое внимание лингвистов привлекает семантика времени [5], которое является одним из важнейших актуализационных смыслов, присутствующих в любом тексте и во многом обуславливающих его содержание.

Материалом для анализа стало интервью писателя-прогностика С. Переслегина «Каким будет мир после коронавируса» (Комсомольская правда, 24.03.2020). Результаты данного анализа сведены к следующему.

1. Актантный состав прогноза сформирован языковыми участниками четырех типов; определим их как а) «группа коронавируса» (*коронавирус, ковид, вирус, болезнь, эпидемия, пандемия*), б) «субъекты власти и экономики» (*промышленный капитал, банки, фонды, власть*), в) «геополитические регионы» (*Россия, Китай, США, Европа*), г) «социальные группы» (*мигранты, мелкие произ-*

водители, программисты, преподавательское и экспертное сообщество, богатейшие люди); например: *И кто понесет наибольшие потери? – Все мы. Мелкие частные производители, работающее население – налогоплательщики.* Участники, отнесенные к первым двум типам исполняют в языковом сценарии «динамичные» роли агенса или инструмента, а участники третьей и четвертой групп – роли второго плана – бенефициенса или пациенса.

2. Пропозиции с участием вышеперечисленных актантов в основном представляют ситуации социального ущерба (*понесут потери, потеряют, будут разорены, падение будет болезненным, упадут*), ситуации социальной деструкции (*идет борьба; будет нанесен удар; выдержит удар; понесет наибольшие потери*), а кроме того, акты контроля либо воздействия / манипуляции (*контролировать; влиять; прикрывать*); например: *Сегодня происходит глобальное перераспределение капитала, а не массовое заболевание. Таким образом будут разорены целые страны.*

3. Событийный контекст прогноза усилен показателями интенсификации, которая вводится в семантику лексемы, а в ряде случаев занимает позиции квалификативов, создавая семантическое поле напряженности в выражениях *бешеные суммы, очень сильный удар, невероятное ограбление мира, жестко контролировать.* Маркеры интенсификации – *конечно, совершенно точно, бесполезно,* – проникают и в субъективный контекст прогноза, проявляя установку на категоричность.

В итоге, все вышеперечисленные элементы работают на создание двух семантических моделей «будущего»: 1) из пропозиций социального ущерба монтируется модель глобального кризиса, вызванного коронавирусом / пандемией, 2) пропозиции социальной деструкции развивают эту модель до метафорического образа военных действий; например: *Уже давно идет борьба между двумя формами капитала – промышленным и банковским.* Очевидно, что подобного рода языковым трактовкам противостоят оптимистичные варианты прогностической картины мира, представленные в медийных публикациях 2021 г.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2005. 544 с.
3. Лингвокультурологические исследования: Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2019. 856 с.
4. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
5. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

PHYTONYMIC PHRASEOLOGY IN LINGUOCULTURE

Чжао Вэньсинь

Zhao Wenxin

Научный руководитель: Н.Н. Бебриш

Scientific adviser: N.N. Bebrish

Лингвокультура, фразеологический оборот, фитоним, фитонимическая лексика, фитонимическая фразеология.

На основе анализа научных источников в статье рассматривается понятие «фитоним», определяется роль фитонимических фразеологизмов в различных лингвокультурах.

Linguoculture, phraseological turnover, phytonym, phytonymic vocabulary, phytonymic phraseology. Based on the analysis of scientific sources, the article considers the concept of “phytonym”, defines the role of phytonymic phraseological units in various linguistic cultures.

Цель работы – определить значение фитонимической фразеологии в лингвокультуре.

Фразеологические средства языка являются одной из категорий, в которых проявляется национальный менталитет. Они отражают многовековую историю, религиозные верования, мудрость народа, его нравственные ценности, составляющие основные составляющие национальной культуры. Рассмотрим фразеологизм «*Это только цветочки, ягодки впереди*». Образ ягодки в этом фразеологизме ассоциируется с предстоящими трудностями, задачей, которую необходимо решить в будущем. Переосмысление, образы, метафоры оказались чрезвычайно точными, яркими и значимыми, поэтому со временем они стали неотъемлемой частью национального языка.

Растительный мир всегда занимал особое место в жизни человека. Люди во все времена собирали и выращивали растения, для того чтобы использовать их в питании, как корм для животных, а также в медицине и др. Фитонимическая лексика выступает носителем мифологических и фольклорных коннотаций. Фитонимы – (греч. *phytonim* «растение», *опута* «имя, название») – названия растений. Фитонимы определяются как единицы народной ботанической номенклатуры и противопоставлены фитотерминам – научным обозначениям растений [2, с. 35]. К фитонимам относят родовые и видовые номинации деревьев, кустарников (дерево, куст, дуб, смородина), трав (осока и подоб.), цветов (роза, ромашка), ягодных (земляника, вишня), овощных и плодовых культур (капуста, яблоня, яблоко).

Интересным с точки зрения выявления национально-культурных признаков представляется корпус фитонимов, возникших благодаря синонимической деривации на основе этнонимов и топонимов: сибирский ананас – облепиха, сибирская роза – крапива, уральский виноград – крыжовник, северное яблоко – репа, а также в севернорусских говорах, римский огурец – чрезмерное преувеличение [3, с.315].

Фитонимические фразеологизмы подчеркивают неразрывную связь человека и природы, в частности растительного мира. Отмечено, что «...для большинства фразеофитонимов характерно отсутствие стилистической нейтральности, так как названия растительного мира, являющиеся компонентами фразеологизмов, могут ярко подчеркнуть отдельные свойства, качества, характеристики именуемого объекта за счет образного компонента семантики» [1, с.28]. Реалии, обозначаемые фразеологизмами с компонентом фитонимом, самым тесным образом связаны с географией и историей страны, традициями, характерными для жителей отдельных областей.

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что языковые картины мира разных этносов национально дифференцированы, то есть имеют свои отличительные и уникальные пласты ассоциаций и культурных коннотаций. Это можно наблюдать как на примере одних и тех же фитонимов в разных языках, так и на примере фитонимов, используемых во фразеологии и паремии только одного конкретного языка. Этнические, национально-культурные особенности фитонимов в русских, английских, немецких и армянских фразеологизмах, пословицах и поговорках проявляются в несовпадении межэтнических ассоциаций. Это явление называется культурной асимметрией [Там же, с.30].

Фразеологизмы, пословицы и поговорки с названиями растений могут иметь сходную культурную коннотацию и совершенно одинаковое значение во всех изучаемых языках, иногда они даже могут быть полными или частичными эквивалентами. Однако этническая идентичность образа жизни и мышления определенно сказывается на фразеологизмах, пословицах и поговорках этих языков.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика: аспекты сопряжения // Фразеология и когнитивистика: мат-лы I междунар. конф. (г. Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2-х т. / отв. ред. Н. Ф. Алефиренко. Белгород, 2008. Т. 1. Идиоматика и познание. С. 27-32.
2. Алешина Е. К. Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира: к постановке проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. Том 8, выпуск 2: Филология. С. 34–37.
3. Курбанов И. А., Саркисян Н. С. Фразеологизмы, пословицы и поговорки с фитонимическим компонентом в английском, немецком и русском языках // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. 4 (44). С. 313-316.

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ИНТЕРВЬЮЕРА: ТИПЫ ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

INTERVIEWER'S SPEECH BEHAVIOUR: THE TYPES OF VERBAL INFLUENCE

И.А. Шишкин

I.A. Shishkin

Научный руководитель: Е.В. Осетрова
Scientific adviser: E.V. Osetrova

Речевое поведение, речевое воздействие, интервью, речевая коммуникация, прагмалингвистика.

В статье рассмотрены понятие «речевое поведение» и классификация типов речевого воздействия. На материале публикаций российской журналистки К. В. Гордеевой проанализировано речевое поведение интервьюера и определены речевого воздействия.

Speech behavior, verbal influence, speech influence, interview, speech communication, pragma-linguistics.

The article discusses the concept of “speech behavior” and the classification of types of speech influence. Based on the publications of the Russian journalist K. V. Gordeeva, the speech behavior of the interviewer is analyzed from the point of view of the types of speech influence.

Интервью как жанр в современном его понимании оформилось лишь в первой половине XX века, что связано с активным развитием радио и, в целом, средств массовой информации [1]. До настоящего времени интервью остаётся одним из самых востребованных медиа-жанров и является устойчивым объектом интереса современной лингвистики.

От интервьюера, моделирующего коммуникацию, в частности, от его речевого поведения, зависит конечный результат общения, который можно оценить либо как коммуникативный успех, либо как коммуникативный сбой (в зависимости от того, получен ли от интервьюируемого конкретный ответ на вопрос либо не получен). В связи с этим целесообразно определить типы речевого воздействия, применяемые интервьюером.

Речевое поведение – это «специфическая разновидность человеческого поведения, которое складывается из речевых поступков и основывается на использовании языка, реализующегося в речи» [2]. С точки зрения прагмалингвистики речевое поведение рассматривается исследователями как речевое воздействие – воздействие на другого субъекта при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели – изменения поведения адресата, его установок, намерений, представлений, оценок; получения информации от адресата [3].

Е. Г. Гришечко приводит классификацию типов речевого воздействия по пяти различным основаниям: 1). По характеру взаимодействия субъекта с объектом: прямое воздействие и косвенное воздействие; 2). По осознанности речевых действий: намеренное (интенциональное) и побочное (неинтенциональное) воздействие; 3).

По типу речевых действий, с учетом коммуникативной цели и обусловленности речевым жанром: социальное; волеизъявительное; информационно-разъяснительное; эмоционально-оценочное; 4). По ожидаемой реакции адресата: оценочное; эмоциональное; рациональное; 5). По ориентации на собеседника разграничивают личностно-ориентированное и социально-ориентированное речевое воздействие [3].

В ходе анализа интервью К. В. Гордеевой [4], установлено, что журналист оказывает интенсивное речевое воздействие на собеседника (адресата) и, имея чёткие коммуникативные намерения, применяет косвенное речевое воздействие с преобладанием эмоционально-оценочного компонента:

1. – ***Сейчас человека окружает так много людей, готовых его поддержать: психологи, психиатры, коучеры, наконец. Иногда кажется, что для священника почти не осталось места. Как вы сами определяете свою роль?*** По характеру взаимодействия это косвенно-прямое воздействие, интервьюер косвенно обозначает тему и актуализирует проблему; после чего прямо выражает отношение к ней. По типу речевого действия это эмоционально-оценочное речевое воздействие, оценка интервьюера – ключевая часть вопроса. (*Иногда кажется, что для священника почти не осталось места*). По ожидаемой реакции адресата – оценочное языковое воздействие: интервьюер просит адресата выразить своё отношение к проблеме (*Как вы сами определяете свою роль?*).

2. – ***Но человек ищет наставления, напутствия, жалости и сострадания, в конце концов. Словом, того, что может дать и священник и кто-то из конкурентов.*** В этом коммуникативном фрагменте интервьюер ставит перед собой цель конкретизировать свой предыдущий вопрос и склонить собеседника к конкретному ответу без общих рассуждений. Журналист направляет ситуацию общения, речевое воздействие можно охарактеризовать как косвенное, намеренное, волеизъявительное, а по ожидаемой реакции адресата как рациональное (предполагается, что собеседник начнёт рассуждать и даст конкретный ответ).

3. – ***Мне кажется совершенно непосильным для человека в наши дни груз ответственности, когда говоришь «Вот это вот так, а это не так. Это черное, а это белое. Это простится, а это не простится».*** Данный вопрос-рассуждение демонстрирует явное преобладание эмоционально-оценочного компонента. По ожидаемой реакции адресата речевое воздействие скорее рациональное – интервьюер выражает протест, высказывает свою оценку (*Мне кажется совершенно непосильным*) и ожидает, что собеседник вступит в дискуссию.

Библиографический список

1. Колесниченко А. В. Настольная книга журналиста: Учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2013. 334 с.
2. Полякова Л. С. Понятие «Речевое поведение» теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 44–47. [Электронный ресурс]; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-rechevoe-povedenie-teoreticheskie-aspekty>
3. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевое воздействие и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53–59. [Электронный ресурс]; URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22537591>
4. Гордеева К.В. «Мы все ждем к себе милости, а к другим – справедливости» // Meduza. [Электронный ресурс]; URL: <https://meduza.io/feature/2015/09/11/my-vse-zhdem-k-sebe-milosti-a-k-drugim-spravedlivosti>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЖЕСТА В ПРОТОКОЛЕ ДОПРОСА

VERBALIZATION OF GESTURES IN THE INTERROGATION PROTOCOL

К.В. Шульгина

K.V. Shulgina

Научный руководитель: Е.В. Осетрова
Scientific adviser: E.V. Osetrova

Язык тела, жесты, речевая агрессия, конфликтная коммуникация, оскорбление.

В статье изучен вопрос вербальной репрезентации жестов, сопровождающих речевое событие оскорбления и воспроизводимых со слов одного из участников речевого конфликта в ходе допроса. Материалом для исследования послужили протоколы допросов по делам об оскорблении представителей власти. В результате исследования выявлены основные жесты, свойственные продуцентам оскорбительных высказываний, и описано их языковое воплощение.

Body language, gestures, speech aggression, conflict communication, insult.

The article examines the issue of verbal representation of gestures accompanying a speech event of insult and reproduced from the words of one of the participants in a speech conflict during interrogation. The material for the study was the transcripts of interrogations in cases of insulting government officials. As a result of the study, the main gestures inherent in the producers of offensive statements were identified, and their linguistic embodiment was described.

Оскорбление как акт коммуникации включает свойственный ему набор вербальных и невербальных действий. В рамках настоящего исследования рассматриваются особенности жестового поведения «инвектора», адресанта оскорбительных высказываний [Бринев, 2017, с. 109], воспроизведенные в вербальной форме участниками конфликтной ситуации при их допросе органами предварительного следствия. Жесты, будучи активным средством «демонстрации отношения к собеседнику» [Стернин, 2000, с. 5], являются неотъемлемой частью невербального поведения в речевой ситуации оскорбления.

Цель исследования – определение репертуара языковых номинаций жестов в ситуациях оскорбления, а также ранжирование сопровождающих данный тип коммуникации «телесных кодов» по их визуальной составляющей [Баранов, 2018, с. 17].

Смысл ‘оскорбление’ выражается не только вербально, но и через те или иные жесты. В данном случае жесты в совокупности с вербальной составляющей – это символические знаки, обладающие собственным контекстуальным значением и воплощающие единый семиотический акт. Жесты могут подчеркивать и дополнять смысл сказанного: «Сочетание вербальной и визуальной информации является наиболее действенным способом создания необходимого семантического эффекта и оказания информационного воздействия» [Дайлоф, 2016, с. 79].

В результате автором исследования выявлены три группы зрительных знаков – жестов, – характеризующих невербальную составляющую коммуникативного поведения инвектора в ситуации оскорбления.

В первую группу вошли описываемые жесты-движения рук и шире – корпуса инвектора (при этом антропонимы заменены сочетанием символов «***»); см. примеры:

- *Я просила его успокоиться, но он кричал «Если ты *** тронешь, то я тебя уничтожу», при этом, когда он говорил, он размахивал руками перед лицом, то есть совершал хаотичные движения перед моим лицом, опуская руки на стол прямо перед моим лицом. *** то сжимал, то разжимал кулаки;*

- *При этом пока он облакачивался на стол он размахивал правой рукой, которую отрывал от стола, и со словами «Я тебя уничтожу, если ты еще раз моего брата – *** тронешь». Уточняю, что мужчина размахивал рукой прямо перед лицом ***, то есть он совершал различные движения рукой слева направо, сверху вниз. Учитывая, что мужчина выглядел агрессивно, размахивал рукой, хоть и не сжатой в кулак, я подумала, что он сейчас ударит *** по лицу. Так как она находилась за столом, и мужчина мог свободно дотянуться;*

- **** встал с лавочки и неожиданно для нас встал в боевую стойку и начал размахивать руками, сжав их в кулаки, говорить, что «разберется» с нами, тем самым начал провоцировать конфликт и вести себя агрессивно, но удары мне не наносил;*

- *Он активно жестикулировал руками и что-то громко говорил в адрес судьи ***, что именно, я не слышала.*

Вторая группа жестов представлена кинемой «указательный палец», направленный на инвектума, – адресата оскорбительных высказываний:

- *Так, ***, обращаясь конкретно ко мне, указывая на меня пальцем, видя, что я нахожусь в форменном обмундировании сотрудника Росгвардии и зная, что кроме нас в зале находятся третьи лица, стал громко называть меня <...>;*

- *Высказывания *** носили личностный характер, так как он обращался именно ко мне, высказывал оскорбления повернувшись в мою сторону, смотря на меня и при этом перед нецензурными высказываниями говорил «ТЫ» и указывал на меня пальцем.*

Третья группа представлена высказыванием – *В этот момент *** стал показывать пальцы ***, а также показывать ему свой средний палец правой руки, – в котором средний палец передает смысл ‘оскорбление’, выступая в качестве невербального коррелята словесного оскорбления.*

Итак, инвектору свойственна динамическая форма невербального поведения, где жест выполняет «коммуникативную функцию», манифестируя, то есть проявляя, «внутренне состояние» говорящего [Крейдлин, 2002, с. 76; Осетрова, 2012, с. 93-107]. Выявленные типы жестов «максимизируют» оскорбительные высказывания, представлены предикатами физической сферы с семантикой экспрессивных действий, производимых в основном руками; при этом движения рук воспринимаются адресатом как признак агрессии.

Библиографический список

1. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методологи и методика. М.: Флинта: Наука, 2017. 304 с.
2. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: «Гарант», 2000. 27 с.
3. Баранов А.Н. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // Коммуникативные исследования. 2018. № 3. С. 9–36. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.9-36. [Электронный ресурс]–URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metazyuki-opisaniya-verbalnoy-sostavlyayuschey-kombinirovannyh-tekstov-dlya-tseley-lingvisticheskoy-ekspertizy> (дата обращения: 15.04.2021).
4. Дайлоф Е.Л. К вопросу о лингвистическом анализе невербального компонента креолизованного текста: проблемы вербализации смыслового содержания // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 76–81.
5. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
6. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения: монография / Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2012. 275 с.

Молодежь и наука XXI века

XXII Международный научно-практический форум
студентов, аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы XXII международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и школьников

Красноярск, 21 апреля 2021 г.

Электронное издание

В авторской редакции
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 19.01.22.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 11,1